

СТЭНЕГО.

СТАНЬ МОИМ ДЫХАНИЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
БРАНЬ

СТАС КОВАН

18+

Стас Кован

Стэнего. Стань моим дыханием.

«Автор»

2026

Кован С.

Стэнего. Стань моим дыханием. / С. Кован — «Автор», 2026

В мире где так много грязи, предательств и несправедливости, живёт Кэтэрин Вэйс...Её душа и сердце долго терпели жестокость этого мира, но и они не выдержали. Девушку, сломила гибель её родного человека. Выбраться из под земли, когда ты добровольно, заживо похоронен — сложно...но возможно.Ей предстоит борьба с самой собой. Но не, что так не объединяет разрозненное Я, как — враг опаснее. А врагов она видит в Судьбе, Смерти и Жизни.

© Кован С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Пролог	7
Глава первая	9
Вторая Глава	15
Третья глава	22
Четвёртая глава.	29
Пятая глава	36
Шестая глава	43
Седьмая Глава	49
Восьмая глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Стас Кован

Стэного. Стань моим дыханием.

Вступление

Умерев, человек остаётся нужен другим, но ему самому после смерти ничего не нужно.

Пролог

Ладонь сдвинула кружевное бельё, ощущая жар и влагу возбуждённой девушки. Бордо облизнулся, завидуя собственным пальцам. Руки держали небесную царицу, касаясь бледно голубой кожи и лаская изгибы, что, кажется, для него слепил из любви сам Покровитель. Дождавшись её сладостного стога, Бордо скользнул внутрь, раздвигая складочки. Мена вздрогнула от удовольствия и прогнулась в спине. Глядя на извивающуюся под ним Луну, хищные глаза гэра расширились. Самообладание трещало по его многочисленным шрамам. Он не видел свою девочку несколько дней, и в планах было боготворить её всю ночь, но предательское тело закипало от одного её прикосновения. Член напрягся, готовый к семяизвержению, но Бордо такой скорый финал не устраивал. Мена ждала его, терпела, и он потерпит. Выскользнув из её сладкой плоти за мгновение до неистового блаженства, Бордо ощутил боль в яйцах и нектар жизни одновременно. Губы припали к твёрдому бугорку между её ног. Язык описал круг вдоль клитора, подготавливая Голубую Луну к голодному укусу и посасыванию. Бордо втянул бугорок в рот и, работая губами и языком вместе, сорвал крик из уст любимой. Пальчики её ног сжались, ножки задрожали, грудь тяжело поднялась, она кончила. Гэр знал ненасытную натуру Мены, потому, не давая ей перевести дух, встал, закинул богиню к себе на плечо и понёс к стене. Девушка, всё ещё содрогаясь в оргазме, послушно повисла на нём. Прижав хрупкую спину к ровной поверхности, Бордо поцеловал ей шею, спустился ниже, щетиной дразня сосок и чувствительную кожу. Рот наполнился соком раскрывшихся на рассвете цветов. Его, она вся его. Крепко схватив Мену под ягодицы, Бордо вошёл в неё рывком, утоляя теперь и свою жажду. В глазах обоих потемнело от удовольствия, вены вздулись на теле гэра. Мена, прижавшись к каменной груди стала целовать белые и розовые шрамы. Бордо издал внутриутробный звук, лишаясь рассудка. Объятия стали крепче, темп ускорился, шлепки от соприкосновения тел заполонили спальню гэра. Он скользил в ней, чувствуя как плотно Мена сжимает его член. По телу землетрясением прошла дрожь. Погрузившись в лоно по самые яйца, гэр брызнул семенем. Мощная пульсация привела Мену к кульминации. Его жидкость смешалась с её влагой и потекла по их ногам. Дыхание было прерывистым, Бордо улыбнулся, когда Мена, уложив голову на его мускулистое плечо, прижалась губами к вспотевшей шее.

– Не прекратишь меня целовать, Луна, уложу животом на кровать и продолжу трахать.

Мена приподняла голову чтобы взглянуть на Бордо, плескаясь мёдом похоти. Однако, в очаровывающих глазах гэр разглядел и холодные блики.

– Что тебя беспокоит, любовь моя? – не спуская девушку с бёдер, Бордо понёс её, чтобы укутать пледом. – Я ощущал, как телом ты предоставлена мне, но вот твои мысли ускользали за пределы этой комнаты

– Кэтэрин... – выдохнула Мена. – боюсь, я потеряла её.

Глава первая

– Что ты видишь в темноте?

– Шutiшь? Ничего.

– А я тебя.

(Валет в разговоре с Кэтэрин.)

Вы слышите, как дождь барабанит крупными каплями по крышам и тротуарам? Как завывает ветер за окном, гоняя листву в кронах деревьев? Слышите, как небо гневается раскатом грома, замолкая только, чтобы пропустить молнию? Нет? Валет, несмотря на разразившуюся в Стэнго бурю, тоже. Стенание погоды перекрывали душераздирающие крики Кэтэрин. Её границы, её барьеры, ограничения рухнули в одночасье. Накопленные за годы травмы, страхи, боль, переживания, тяготы, всё, что она прятала даже от самой себя, больше ничем не оттеснялось. Внутри Вэйс обрушился мир, прорвав плотину. Поток грязи, надменности, унижений, разочарований и предательств, хлынули в воспоминая, снося и круша добро на своём пути.

Очнувшись на второе утро, девушка не понимала где она, кто рядом и кем теперь сама является... Разбитое сердце осколками падало в дыру, в которой когда-то обитала душа. Изъедающее чувство боли затмевало рассудок, побуждая страх заполонять каждую клеточку искалеченной сути. Её уничтожили, сокрушили, оставили гнить в тюрьме ненавистного ей нутра. В себе была Кэтэрин или нет, барабанная дробь из слов в ней звучала одинаково ясно.

Мафы нет.. она виновата... Бабушки нет.. она допустила.. Баба мертва.. и она тоже. Неистовые вопли, вырываясь при каждом пробуждении, срывали связки и уносили сознание в ад памяти. Сам Смерть, скитаясь в её потёмках, путался и терялся.

– Кэтэрин проснись, тебе нужно попить. – Валет сидел на краю постели, протирая лоб девушки салфеткой, смоченной в настое мяты. – Ты измождена.

Она не реагировала, ей плевать. Валет уже с неделю боролся с истериками и её паническими атаками, но пока любое пробуждение заканчивалось темнотой, в которую он же её и окунал, чтобы не мучить и дать время облегчить муки, но больше так продолжаться не может.

– Маленькая, я прошу тебя, нужно поесть.

Больно было даже дышать, не то, чтобы пошевелиться и натянуть на глаза одеяло. За окном горел рассвет или закат, ей неизвестно. Однако, золотые лучи назойливо слепили слезящиеся глаза.

– Ради Ортура. – ласково выдохнул он. – Брат тоскует по тебе.

Несмотря на то, что Валет являлся членом трио, нарушать правила не в его прерогативе, он не мог привести ребёнка в стены академии. А Кэтэрин покинуть её пределы пока была не в состоянии. Упоминание о брате, наконец, возымело действие. Щурясь она открыла глаза.

– Вэ... – голос стал осипшим и слабым.

– Да, Кэтэрин. Ты большая умница. Просыпайся.

На глаза тут же накатили слёзы, затрясло, скорбь и ненависть вернулась штормовыми волнами.

– Нет, нет, не закрывайся от меня, – Валет неоднократно видел как зарождались её срывы, – не уходи. Слушай мой голос. Ты сильная, ты нужна людям, нужна брату, ты нужна мне...

Ком в горле мешал ей нормально дышать, слёзы, как кислота, жгли кожу.

– Где он? – силясь выдавила она.

– На Вивале, с Терезой и Палантеем.

Кэтэрин кивнула, но тут же поморщилась от боли, что прострелила затылок.

– А я где?

– В Стэнго.

– Почему?

– Тебя перевели для продолжения обучения, конечно, если ты всё ещё этого хочешь.

Она не хотела ничего, ни дышать, ни жить, ни разговаривать, но Ортуру...

– Мне нужно к брату. – обессиленные руки попытались упереться в кровать, чтобы поднять невероятно потяжелевшее тело, но не вышло.

– Тш, по порядку Кэтэрин, не спеши. Начнём с глотка воды.

Валет приподнял девушку сам и, придерживая стакан, дал попить. По её губам побежала влага, тело, отвыкшее от глотательных манипуляций, покрылось мурашками.

– Спасибо. – прошептала она едва сглатывая. – Теперь к Ортуру.

Валет вернул её на подушку.

– Прежде я наберу тебе купель, поедим суп, а после отправимся на Вивал. Договорились?

Уставшие глаза закрывались, сознание, что все эти дни пребывало во тьме отчаяния, свыкалось со светом и необходимостью опять принимать эти поганные решения.

– Твоя утрата мне не знакома, – Валет словно прочитал её мысли, – но обещаю быть рядом и помогать учиться жить заново. – тёплые пальцы коснулись бледных щёк. Кэтэрин испытала толику его поддержки отчасти желая почувствовать облегчение, но перенапряжение лишь погрузило её в сон. Когда Кэтэрин подняли с постели чтобы взять на руки, ноющая боль разлилась по телу, заставляя проснуться от вскрика.

– Маленькая, молю прости, – шептал ей Валет. – по иному к купели не добраться, а твоему телу необходим уход.

Укутанный густым лавандовым паром, Вэ только пеной касался её кожи и чувствительных мест. “Жаль, мылом не отмыть душевных ран.” – думал он про себя. Закончив купание и закутав податливую Кэтэрин в полотенце он отнёс её к столику, где уже ждала тарелка горячего супа. Несколько ложек бульона – это было всё, на что согласился сжавшийся желудок. Но оказалось, и столь малой порции ей хватило, чтобы найти в себе силы и переодеться самой. Преодолевая недомогание и ломку в костях, Кэтэрин натянула кожаные брюки и футболку.

– Я готова. – пошатываясь она встала с тахты. Комната и окружающие её предметы казались серыми. Интересы не вызывали ни старинные канделябры, ни фрески, ни даже средневековые убранства, коими так славилось Стэнго. Однако Валет, что подошёл придерживать её, всё так же имел золотой цвет кожи, необыкновенно белёсые глаза и взъерошенные чёрные волосы. Он являлся единственным цветным предметом в этом блёклом пространстве.

– Ты забыла как на ледниках холодно? – впервые за неделю Валет сумел улыбнуться.

– Я многое забыла. – без эмоционально бросила она.

– Позволишь? – не отвечая на хандру, Валет задумал поднять девушку на руки, чтобы избавить от боли самостоятельного передвижения, но остановился.

Ей нужно расхаживаться, вспоминать как работают мышцы и привыкать вновь чувствовать их. Валет взял с подлокотника свитер, куртку и, переплетая с Кэтэрин пальцы, предоставил ей локоть. Облокотившись на сильного мужчину, Кэтэрин шипела на возникающие колики и спазмы в конечностях, но всё же двигалась к балкону, на который вёл её он.

– Присядь, я надену тебе сапоги. – заботливо попросил Валет подставляя стул, она послушалась. – Сколько времени тебе нужно провести на Вивале?

Присев на одно колено, Смерть ясно рассуждал, что её преображение в лучшем случае вызовет вопросы, в худшем – отвращение и ужас. А скупулёзный рассудок человека так или иначе калечится, когда обязанные прибегают к стиранию их памяти.

– Я доставлю тебя к двери дома вождя, а сам останусь поблизости, чтобы забрать как только ты будешь готова. Хорошо?

Размышлять у Кэтэрин не получалось, думы смешивались с воспоминаниями, боль – с угрызением совести.

– Ничего, – кивнул Вэ, когда она промолчала, – отдыхай. Нам предстоит не близкий путь. На ледниках до сих пор нет зеркал, так что полетим.

Накинув ей куртку и засунув шапку с перчатками в карманы, Валет осторожно поднял Кэтэрин на руки и расправил крылья. Чёрные перья, словно вырезанные из смолы, мерцали платиной на полуденном солнце.

– Директор, можно Вас? – на балкон вбежал запыхавшийся мужчина средних лет. В его красных волосах виднелась седина, а в тауповых глазах – тревога.

Валет обречённо взглянул на Кэтэрин. Пасмурные радужки потемнели, лицо осунулось и заострилось, под кожей загудела иного рода боль, ей неистово захотелось покрыться шипами. И то стоическое, что ещё оставалось в этой хрупкой девушке, тоже сломалось.

– Позже, Керон, – спокойно ответил директор и, не задерживаясь, взмыл в небо.

Кэтэрин не сводила с него глаз, плачевную способность думать лихорадило от усилий собрать обрывки воспоминаний из прошлого года. Озарение вышло уродливым. Дыхание сбилась, по щекам потекли слёзы не скорби, а предательства.

– Вэ... – он молчал, громко взмахивая крыльями, – это инициал имени Валет. – вслух принялась рассуждать она дрожащим голосом. – Валет — директор Стэного. Директор Стэного — Смерть. – Кэтэрин всхлипнула, за что возненавидела себя ещё сильнее.

– Не надо. – шепнул он заискивая слова, что хоть как-то облегчат её страдания.

Серебряная голова стала раскалываться, взор поплыл, а с ним и фрагменты с последней ночи Мафы. Кэтэрин тогда смотрела лишь на вздымающуюся грудь баба, хотя боковым зрением заметила движение, но не поверила в то, кто явился по её душу. Того, кому не нужен был преист, того, чьего прикосновения достаточно, чтобы убить. *Прикосновения смерти.*

– Ты забрал мою бабушку.

– Кэтэрин, я не составляю списки. – начал оправдываться Валет, замедляя полёт. – Если данные человека или обязанного проявляются в пергаменте, так или иначе, он уйдёт. Последневздох или я прибываем лишь встретить и выпустить душу.

– Ты забрал мою бабушку.

– Кэтэрин...

Она отвернулась.

Полёт над берегом моря Стэного прошёл в звенящей тишине. Прежде бы Кэтэрин округлила глаза и с восхищением таращилась на настоящие синие волны, что так часто описывались в их книгах по истории. Но она никак не отреагировала и на красоту человеческого мира с высоты птичьего полёта. Ошмётки рассудка горели синим пламенем, доводя до пепла уже разбитые куски сердца.

– Я предупредил вождя Вивала о прибытии, через несколько минут он выйдет за тобой. – сказал Валет, как только под его ботинками захрустел снег.

Кэтэрин тут же слезла с крепких рук, став на ноги. Не задавая вопросов как именно Валет связался с Палантеем, отошла подальше. Пусть кружится голова, пусть болят мышцы и пусть выкручивает кости от внезапной нагрузки, но он... к ней больше не прикоснётся.

– Я вернусь через пару часов. – тем же осторожным тоном проговорил Валет. – Для первого раза, полагаю, нагрузки будет более чем достаточно.

Кэтэрин сощурила глаза, серость в них темнела.

– Дольше, ты устанешь... – начал объясняться он.

– Уходи. – тихо, но грубо бросила Кэтэрин. – Уходи и не возвращайся.
– Маленькая.. – Валет шагнул к ней, протягивая руку.
– Не называй меня так. – осекла она его, отступая ещё на два шага. – Не хочу ни знать тебя, не помнить, а посмеешь вновь коснуться моих родных, убью. Не знаю как, но убью.

– Кэтэрин, зачем ты так...
– Убирайся! – закричала она. Грудь запекло, череп сдавило, а клыки, поддавшись ярости, вытянулись до самого подбородка. – Ненавижу тебя и твою сестру... – на лице застыло соответствующее выражение. *Впервые за 19 лет она так ярко испытывала это чувство.*

Валет отвёл руки за спину, ведь его так и подмывало сгрести Кэтэрин в охапку и успокоить. *Но она не позволит.* Отныне он чужд ей и ненавистен.

– Прошу простить меня, Кэтэрин Вэйс. – поджав губы, Вэ взмахом крыльев поднял свежий снег с земли и взмыл в небо.

– Кэтэрин... – позвали её со спины, но она не обернулась. Под рёбрами душила обида, разочарование разъедало кишки, а по щекам опять покатались поганые, сука слёзы.

– Сестра? – теперь крикнул знакомый голос.

Лёд, что принялся возрастать в ней возводя стены, жёг нутро, как коптильный костёр. Душу затягивало чёрным дымом, Вивал темнел, Кэтэрин, не выдержав гари, потеряла сознание.

– Вэйсы, вы досадная проблема дома Мориэль. – с кривым оскалом возмущалась Навера. – Как можно было спалить две буханки хлеба вместе со сковородкой?

– Простите, я совсем не умею готовить. – щебетала Кэтэрин держа ручку Ортура и его самого за спиной.

– Кэ-тэ-рин, это ложь, все девочки без исключения умеют справляться по кухне. Видимо, это присутствие брата пагубно влияет на твою дисциплину, лишая вовлечённости в несложные задания, что тебе, невразумёхе, назначают. А посему следует лишить тебя отвлекающего фактора.

– Нет, пожалуйста. – голос Кэтэрин дрогнул. Навера определённо навредит брату.

Заместительница дома Мориэль ухмыльнулась.

– Ты на ежедневной основе становишься в график дежурств по завтракам. – сердце Кэтэрин пропустило удар. – От твоей готовки будет зависеть чем станут питаться прочие беспризорники.

– Но я не умею..

– И... – Наверу разозлил скулёж девчонки. – Ты не увидишься с братом до тех пор, пока твои тосты, на радость нам, не захрустят золотой корочкой.

– Но.. – на глаза накатили слёзы. – я не умею..

– Кэтэлиин.. – залепетал испуганный Ортур, когда его вдруг, схватив за шиворот и грубо поволокли из кухни.

– Братик.. – Кэтэрин спрятала лицо в ладонях, осела на пол и тихо заплакала. Бежать за ним опасно, заместительница высечет их обоих или того хуже, только Ортура в назидание ей.

Полторы недели девочка, то не дожаривала хлеб, то палила его до чёрных корочек. Никак ей не удавалось совладать с навыками кулинарии и чугунной плитой. Мама из-за болезни готовила мало, лишь бы детям хватало, а отец питался алкоголем. Учить было некому. Сейчас же, в доме Мориэль, её не били за дым, что тянулся запахом гари до самых спален и даже не ругали. Её наказанием было смотреть на бедных, давящихся обгорелым хлебом детей и неведение, что и как с её младшим братом. Эта разлука в приюте была самой долгой и страшной в её жизни. Но спустя 11 дней, у неё, наконец, вышел тост с золотой прожаркой. К ней привели Ортура с

синюшными пальчиками, оказывается, всё это время за испорченные ею продукты, по рукам получал именно он.

– Прости, прости меня ойлюлюк. – упав перед ним на колени, Кэтэрин принялась целовать каждый его синичёк. – Это я виновата братик, прости, это из-за меня тебе больно, из-за меня...

Сейчас, она считала так же.

– Прости Ортур, прости.. – ёрзая в постели во сне стонала Кэтэрин.

– Сестра, проснись. – несмотря на стоявший в лубянке холод, девушка взмокла от пота. – Кэтэрин, это просто кошмар, проснись.

Парень не на шутку разнервничался, а когда к её стенаниям добавился и плач, вовсе всполошился. Такой Кэтэрин бывала крайне редко, и обычно подобное состояние не сулило ничего хорошего.

– Ортур.. – вскрикнула она подсакивая в постели.

Брат сидел рядом с растерянным взглядом, но важнее, с целыми пальцами.

– Ты в порядке... – выдохнула она.

Парень кивнул.

– А ты вот нет. Недели на Вивале, похоже, совсем не идут тебе на пользу. – грустно высказался парень. – Может, напишем директору Стэного, пусть прилетит за тобою?

Кэтэрин, ещё не отойдя от событий сна, не сумела как должно разозлиться на брата за отвратительное предложение, но всё же в пасмурных глазах сверкнули молнии.

– Не нужно на меня так смотреть, – буркнул Ортур, – сама рассказала мне о Дэверго и Стэного. Выслушивай теперь честное мнение. То, что ты неприкаянным приведением ходишь трёшь посуду и копошишься днями в пряже, недостаточно. *Тебе недостаточно.* Бабушка... – Ортур осёкся от вспыхнувшей во взгляде сестры боли, но всё же продолжил, – она бы расстроилась узнай, что пройдя столько жизненных перипетий и получив такую выучку, ты сломалась из-за. её ухода. Баба пол нашей жизни учила быть стойкими и невозмутимыми к обстоятельствам.

– И у тебя это невероятно хорошо получается. – перебила его сестра, хмурия лоб. Ортур не единой слезы не проронил из-за смерти Мафы, по крайней мере при Кэтэрин.

– Мне тоже грустно. – признался он. – Но когда мне хочется лечь, свернуться калачиком и страдать, я прямо чувствую нависающий надо мной подзатыльник баба.

– Она тебя не била. – слегка улыбнулась Кэтэрин. До спаррингов бабушка и её не трогала.

– Это другое, сестра. – воодушевился Ортур, хоть и момолётной, но первой улыбке Кэтэрин. – Я так привык к взглядам Мафы, к требованиям, к подколам и сверхзаботе, что даже сейчас знаю, что то, что она дала нам, живо и без неё. Я люблю её целой половиной сердца, потому продолжаю слушаться, даже в её отсутствие. – глаза Ортура блеснули, но он быстро сморгнул соль. – В общем, либо соглашайся на морозную закалку и тренировки с местными борцами, либо я сам напишу директору Стэного.

Ортур заверял, что, в отличие от сестры, не злит на смерть за то, что он просто выполнил свою работу, однако, по имени за все эти недели Вэ ни разу не назвал.

– Признай, тебе не терпится меня спровадить? – фыркнула Кэтэрин, уже представляя как в тело вонзается 1000 ледяных игл. Хотя даже подобная боль, была лучше чем встреча с директором Стэного.

– Не говори глупостей, если я буду видеть, что ты счастлива на Вивале, лично построю лубянку или выломаю в скале лёд для двухкомнатной квартиры. Но тебе здесь плохо, сестра, ты тоскуешь не только по Мафе, но и по прошлой жизни. Сама же говорила, что тогда у тебя был смысл, цель, а прозябая здесь, ты лишаешь себя всего намеренно.

– Кто меня за язык тянул. – вздохнула Кэтэрин закатывая глаза.

После того, как Валет принёс её на Вивал, здешний шаман неделю отпаивал её какими-то чудотворными отварами. Под их действием она лишалась страхов, переживаний и оков, Кэтэрин делилась правдой с братом. Она хотела, чтобы родной человек оставался тем, от кого у неё нет секретов. И Ортур, на удивление, нормально отреагировал на рассказ об обязанных с супер способностями, что опекают людей, нашёптывая, исцеляя и уводя души. Про Очищение она даже под дурманом умолчала, а прямо сейчас жалела, что и прочее не сдержала под замком.

– Братик, я не вернусь в Дэверго. А тем более не стану учиться в академии Смерти. Дай времени подлатать меня, и позже станем помогать людям вместе, отсюда.

Ортур заставил себя улыбнуться, чтобы приободрить Кэтэрин, хотя душа за неё болела физически.

– Хорошо. – кивнул он. – Скажу Дунаю, чтобы на рассвете за тобою зашёл. Они пробили новую прорубь прямо около дома Палантея, теперь не отвертишься.

Вождь настоял, чтобы они, как и прежде, жили в его лубянке. – Захныкав, Кэтэрин упала в кровать.

– И разбери почту. – Ортур собрался уходить из комнаты. – Серые конверты уже валяться с тумбочки. Или скажи, и я отправлю бумагу в костёр под чан, там макулатура всегда в надобности.

Девушка пустым взглядом окинула кипу писем, из-за которых в спальне постоянно витал аромат сахарной карамели.

– Жги.

Вторая Глава

*Маленькие порции еды сохраняют
тело в тонусе, дозированное количество чувств, берегут сердце.
(Гэр Стукач Керон)*

Кэтэрин категорически отказалась от заправки с Дунаем в рассветные часы. Её не вдохновляло, быть полуголым объектом для насмешек Карсонцев. Ылгу, правая рука вождя, уже подтрунивал над ней, удивляясь, как от бесперебойного стука её челюстей на морозе, она умудрилась сохранить целыми длинные зубы. Народ Вивала принял видоизменившуюся Кэтэрин как человека с прихотью выделиться из масс с помощью стоматолога. Меж собой они прозвали её саблезубой тигрицей. Челюсть для Кэтэрин стала поистине гипер чувствительной зоной, запахи, погода, да даже чувства улавливали её клыки. *А их она предпочитала не выставлять напоказ*, сместив заправку на ночное время. Рассвет Кэтэрин встречала кулачными боями с Кулавой, Хрухом, Танталеоном или со всеми одновременно. Деревня просыпалась под звуки мордобоя, а завтракала под вправление вывихов и сшивание ран. Кэтэрин за месяц отсутствия тренировок и самокопания едва не растеряла сноровку. Но всё же бойцы Вивала не могли достать Кэтэрин, пока она не желала получить очередную порцию боли. Травмы, как наркотик, помогали забыть о душевных терзаниях и заземлиться. А ночью, когда яркая луна и миллионы звёзд украшали небо серебром, Кэтэрин передавала стоящему у проруби Ортуру или чаще Дунаю пальто, пока сама потихоньку знакомила тело с ледяной водой. Случайное и внезапное падение под лёд сильно отличались от осознанного погружения. Опустив ноги по щиколотку, она уже ощущала как горит живо и темнеет в глазах. Всё же, пересиливая мандраж, Кэтэрин растиралась снегом, а уже после ступала в прорубь. Сегодня она сумела погрузиться в воду аж по колено.

– А-ах, всё, не могу. – крикнула Кэтэрин, выскакивая из проруби в объятия уже распахнутого для неё пальто. *Холодного пальто.*

– Ты молодец, начинала с кончиков пальцев. – похвалил её Дунай. – Меня подождёшь?

Кэтэрин хотелось стремглав бежать в лубянку Палантея, но она кивнула и, закутавшись в одежду с ногами, уселась на ледяную лавку. *Хотя зачем его ждать?* Тереза с Ортуром на распределении прибывшей провизии и вряд ли составят компанию в купаниях, а сидеть дрожать и паялься на голого Дуная ей совсем не хотелось. Парень был хорошо сложен, широкие плечи, мощный торс. Да и на лицо смазливый: ровный нос, греческие губы и рыжие волосы по плечи. Но дело было не в нём, а в её изменившемся отношении к мужчинам. Лгуны, предатели и самоуправцы, только так и не иначе думала она теперь о каждом. Всё ж бросать Дуная одного, в ледяной воде она не станет. *Судороги никто не отменял.*

– Кэтэрин, смотри!!! – огибая квартирную гору, к сестре торопился Ортур, вернее, быстро тащил что-то громоздкое в её сторону.

Подрагивая под пальто, девушка стала пристально всматриваться в груз брата и, различив перелив луны в бронзе, узнала раму с сотней глаз из салона Дома Мозыма. *Интересно, как он поживает? Как Мена, Дион...друзья из Вересача?* Кэтэрин ни с кем не выходила на связь. Мобильник, что Бэдж привёз неделю назад, до сих пор валялся выключенным в сумке с вещами. Парень захватил их из её шкафа в доме Мафы. Бэдж стал единственный, кто зашёл в их дом после похорон, которые, кстати, организовал Мозым. Кроме друзей, мастера Дома и Ортура проститься с Мафой никто не пришёл. Это знание сильнее отвернуло девушку от Отчуждённых (так баба называла зазеркалье). Женщина столько лет своей жизни отдала

службе при академиях, а они не снизились до почести явиться и проводить её в последний путь. *Из-за КЭТЭРИН. Или для них последний путь – это хлопок крышечки на прейте?* Жалела ли Кэтэрин, что не присутствовала на похоронах бабушки – *очень*. Могла ли она, что-то изменить – *нет*. Уменьшает ли это её чувство вины – *ни в коем случае*.

Бэдж, увидев подругу на Вивале несколько недель назад, зачастил навещать. Лена, узнав где Кэтэрин, закатила истерику, требуя отвести её к ней, но из-за беспокойного времени на ледниках, Годор и Хавер младший объезжали десятки поселений сразу. А кататься по несколько дней с капризной и вечно болтающей Леной грозило аварией. Ситуация с поставками усугубилась, вожди, разевая рот на чужое добро (что казалось жирнее собственного), чинили междоусобицы. Правительство сухих земель отказалось от попечительства, сняв даже льготу, позволяющую приобретать продукты и товары первой необходимости на процент дешевле. Теперь 70-ти тысяч щитов Кэтэрин катастрофически не хватало, да и она больше не получала ничего, сидя на иждивении Вивала, как и Ортур.

– Где т-ты вз-зял это з-зеркало? – простучала зубами девушка.

– Бэдж привёз. Говорит в фуре само оказалось, а с ним письмо.

– В сер-ром конверте? – Кэтэрин только вспомнила, что на Вивале нет таких зеркал (не было), а значит доставляя прошлые письма, Валет сам пролетал каждый километр.

– Нет, просто клочок бумажки.

– Пок-кажи.

– Иди домой, а! Дунай уже вылез.

Рыжеволосый парень, подпоясав фуфайку, натянул валенки и пошёл помогать Ортуру тянуть зеркало.

– В лубянку не з-заносите. – всё, что успела крикнуть Кэтэрин, натягивая угли, чтобы идти следом. *Не хватало с Вэ посреди ночи столкнуться.*

– Мне зачитать? – поигрывая бровями дразнил Кэтэрин брат, когда они уже укладывались спать. Бумажка в пальцах Ортура порхала словно дрессированная бабочка.

– Куда вы поставили зеркало? – проигнорировала она вопрос.

– В предбанник Палантея, – бросил он. – Жалко бросать на улице, треснет.

Кэтэрин кивнула и, укутавшись в одеяло плотнее, отвернулась к стене. Ортур насупился, взглянул на послание, что не вызвало в сестре ни малейшего интереса и откинув его на тумбу тоже бухнулся в кровать. Уже 4 дня Кэтэрин спала одна. Кошмары никуда не делись, но блуждать среди собственной никчёмности стало куда спокойнее или, может, привычнее. Теперь, когда Кэтэрин в очередной раз переносилась лицезреть конец Мафы, её словно плащом окутывала тьма, тёплая и учтивая. Ночные приступы паники отступили, но всё же сейчас её разбудило странное ощущение... Смесь тревоги, трепета и возбуждения. Однозначно, уроки Филодохии не помешали бы и людям, чтобы уметь разбираться в собственных чувствах. Кэтэрин, свесив ноги, поднялась с постели, в тёмной комнате ярким пятнышком был тот самый клочок белой бумажки. Замотавшись в одеяло, девушка взяла лист и пошла на веранду. Свет от полной луны, пробившийся через прорубленное окно, сослужил фонариком.

“ Ты заставила мой нос изрядно поработать, но я нашёл тебя, малышка. Выйдешь ко мне?”

Лука?

Найдя на пороге лишь уличную обувь Ортура, Кэтэрин натянула безразмерные сапоги и вышла. Не успела она полностью обойти лубянку и замёрзнуть, как столкнулась с ним, с глазами цвета лавы. Златошёрстный волк сидел, превышая потолок домика вождя на сантиметры, огромный зверь, увидев девушку, казалось улыбнулся.

– Привет, красавчик. – она искренне была рада его видеть. С момента их расставания, похоже, прошли годы.

Волк, не мешкая, лёг на снег и хлопнул хвостом.

– Это ты пытался им вильнуть? – чуть не рассмеялась Кэтэрин, но тут же осеклась. *Маффа отныне не смеётся, и ей нельзя.*

Зверь прищурился, а она сообразила, раз он лёг на снег, следует забраться ему на спину. Куда бы волк её ни понёс, она ему доверяет. *Одному из немногих.* Сорвавшись с места мощным прыжком, Лука пересёк соседнюю лубянку и побежал в глубину ледников, прочь от Вивала, прочь от Карсонцев. Кэтэрин, запутавшись в шерсти, пальцами ощутила его горячую кожу. Тепло манило, встряска укачивала, а она так давно нормально не спала. Не заметив как, девушка уснула. Но стоило волку затормозить, её глаза тут же открылись.

– Где мы? – сонно огляделась она. Снежные просторы с ледяными горами сменились просто снежными просторами. – Ты остановился передохнуть?

Волк, обернувшись, фыркнул. Его сил хватит бегать ночи напролёт, но в том нет необходимости, они прибыли. Глаза с прожилками лавы целенаправленно устремились в восточные дали. Кэтэрин повернулась туда же, и внезапно снег стал розоветь. С неба сорвались лучи яркого света, размывая пространство цветом ибисовой розы. Природа, как искусный художник, принялась рисовать ленты, развешивая их между небом и землёй. Гаммы бликов отразились и на снегу, создавая мелкие, разноцветные звёзды, парящие в воздухе. Ледник обернулся садом для световых соцветий.

– Невероятно завораживающе. – выдохнула Кэтэрин приоткрыв рот.

Волк кивнул, глядя на ленточный дождь, что всё никак не прекращал озарять горизонт.

– Жаль, мы не можем поговорить. – взгляд Кэтэрин едва успевал ловить новые срывающиеся мерцания. – Наверняка ты знаешь название, что носит это природное явление.

Зверь обернулся. Если б небо не озаряла полная луна, он мог бы принять свой истинный облик, однако не стал бы. Иначе Кэтэрин пришлось бы самой стоять в снегу и мёрзнуть в ночнушке. Буйство розовых оттенков длилось ещё несколько мгновений, их они наблюдали в полной тишине. Когда небо утратило вдохновение, убрав акварель, тёмно-синие оттенки вернулись в высь. Волк развернулся к Вивалу и неспешно понёс девушку домой. Уже у лубянки Кэтэрин поблагодарила друга за возможность лицезреть чудо человеческого мира. Не то чтобы она разочаровалась в людях или их архитектуре, скорее ей напомнили, что красота всюду, *только нужно уметь на неё смотреть.*

– Мы ещё увидимся? – Кэтэрин крепче стиснула одеяло на плечах. Без тепла, исходящего от зверя, на улице было зябко. Его глаза блеснули огнём, влажный нос коснулся девичьей щеки, а мощная лапа притянула к себе для объятий. Спустя минуты Лука отстранился и, не взглянув на прощание, в прыжке исчез за белыми барханами. *Словно сон, наваждение или напоминание из прошлой жизни.*

Несмотря на недосып из-за полуночных размышлений, настроение Кэтэрин поутру разительно отличалось от предшествующих недель. Тренировка на рассвете началась игровыми набегами. Испытывать сегодня боль Кэтэрин была не намерена, потому страдали Карсонцы. Мужчины не сумели нанести и удара, тогда как она, ощутив азарт, вывихнула плечо фавориту Вивала и выбила локтевой сустав Танталеону.

– Тигрица нынче в ударе. – буркнул Кулава пока ему обрабатывали рассечённую бровь. Кэтэрин коснулась клыков, благо они не выросли от переменчивого настроения.

– Надоело вас жалеть. – весело бросила она в ответ и ушла к уличным столам завтракать.

– Погодь, девчонка, завтра я соберусь с силами. – крикнул он ей вслед и впрямь собрался, только не сам, а с толпой.

Кулава подговорил Танталеона с Хрухом, на удивление Желя с Дунаем, сообща одолеть тощую зазнайку. Последний, естественно, отказался сражаться с Кэтэрин, хотя его физические данные обладали шансом хотя бы попробовать. Девушка давно обозначила между ними жирную дружескую черту, но Дунай всё же относился к ней как к предмету своего обожания. Потому, когда Кэтэрин свалила четырёх бугаёв, вспотев разве что на лбу, Дунай, стоя на ногах, громко хохотал и бурно аплодировал.

По истечении второго летнего месяца у Кулавы не осталось ни друзей, ни знакомых, кто не проиграл бы в бою с Кэтэрин. Даже соседние ледники пополнились слухами о несокрушимой саблезубой тигрице. С Карсонцами прекратили все бойцовские дела со ставками стремясь в принципе окраинами обходить Вивал. До момента, пока оставшиеся страны сухих земель тоже не отказались участвовать в снабжении ледников продовольствием. Отныне единственными, кто получал базовую гуманитарную помощь, были поселения, курирующиеся Хавером Годором. Поддерживая связь с Меной, волонтер получал отчисления с её стипендии и стипендии Кэтэрин, что оказывается, продолжала поступать на её счёт в академии Стэного. Ледники, что раньше других остались на собственном попечительстве, принялись совершать набеги на Гопей, Скулс и Вологду. Поселения разворовывались ночами с погромом и разбоем.

– Много пострадавших? – спросила Тереза у Годора, когда они с Бэджем привезли всего половину фуры провизии в начале августа.

– Страшная цифра, девочка. – качнул головой Хавер вытаскивая мешок с опилками. – Чиновники, бросив людей на произвол, добились хаоса. Народы ледников уничтожают собрательев и если б не километры, разделяющие одно поселение от другого, снегам пришлось бы с гор сойти, чтобы сокрыть масштабное кровопролитие.

Кэтэрин слушала Годора молча. Под рёбрами расплавленным металлом вскипала совесть. *Будь она при академии, могла бы что-то изменить?* Повлиять на решение чиновников, угрожая как Очищенец или взять дополнительную работу на заводе по производству рам. Там платят хорошие щиты, чтобы расширить помощь ледникам.

Нет. Сосланных людей слишком много, дополнительные тысячи щитов не спасут миллионы. Нужны кардинальные меры, нужно добиться возобновления договоров, нужно уговорить правительство вернуть ответственность за изгнанников на государства. *Но как?* Странно, ещё недели назад ей было плевать на всё, даже на себя. Теперь налёты и катастрофы, что надвигались смрадными тучами и бросали тень на льды занимали все её мысли.

Кэтэрин думала о революции, любуясь лучами закатного солнца в волосах детей. Запыхавшись, они скинули меховые шапки и продолжили лепить неприступные стены, подготавливая оборону к войнушке снежками. Звонкий смех разнёсся меж лубянок, отдаваясь вибрацией в потолок двухэтажных квартир. Сорванцы, несмотря на уменьшение обеденных порций, продолжали радоваться жизни и возможностям, что ещё у них оставались. Девчушка, повалив белокурого мальчугана, так и норовила отправить снежок ему за шиворот, тот уже покраснел от смеха. Кэтэрин, глядя на них, непроизвольно улыбнулась. Но, как и прежде бывало в её жизни, стоило ощутить радость или удовольствие, судьба тут же отбирала причину её счастья. Внезапно озорная малышка с каштановыми волосами сама повалилась на снег и из под неё тут же поползла кровавая лужа. Мальчишка, что секунды назад хохотал, завопил, что было мочи, срывая горло. Кэтэрин с ужасом подскочила с лавки и понеслась к неподвижной девочке. То тут, то там стали разноситься крики, люди в панике не знали куда бежать, что делать, прятаться или защищаться? Да и один Покровитель знал, что за напасть их настигла. Упав на колени, Кэтэрин перевернула девочку с бока на живот, из миниатюрной спинки, пробив шубу, торчала ледяная стрела. Наконечник глубоко вошёл в детское тельце, оставив видимым лишь прозрачное древко и хвостовик с светлыми перьями лирохвоста. *Малышка была мертва.* В

грудь вспыхнула ярость, жгучая, как пламя, холодная, под стать льдам. Взгляд переметнулся к постройкам Вивала, в их проёмах Кэтэрин искала следы нападавших. Изошрённое оружие вряд ли было единственным, с чем пожаловали те, кого до сих пор не видно. Между скалой, расположенной у кухни и той, что уводила ледорубов к местам работ, неестественно всколыхнулся воздух. Кэтэрин оказалась права, люди, атаковавшие поселение Карсонцев, надели экипировку оттенка снега и льда. Миван похвалил бы их за грамотную конспирацию, ведь налётчики стали не более, чем белая рябь. Карьена, мать семерых детей, истошно вскрикнула, прежде чем заклокотать горлом и упала. Силуэт, что с опозданием заметила Кэтэрин, шевельнулся меж низких квартир, чтобы запустить очередную стрелу. Именно этот стрелок настиг женщину, закрывающую своих детей. Пальцы бывшего силиста потянулись к иглам, но уже два месяца она не носила корсет, более того, девушка даже не знала где он. *Она безоружна.* Опустив мёртвую девочку, Кэтэрин рванула к Карьене, но не для того чтобы помочь, женщина за секунды захлебнулась собственной кровью. У её тела находились тумбы со столовыми приборами: ложки, вилки...ножи. Дети, которых спасала мать, бросились врассыпную, все, кроме полуторагодовалого мальчика. Он лазал по Карьене, пытаясь разбудить маму, но лишь пачкал пальчики в крови.

– Тевень, иди ко мне. – Кэтэрин подняла мальчика, запихнула за пазуху куртки и приказала крепко держаться за её шею руками, а ногами обвить талию. Пока она сгребала всё, что можно будет метнуть, раздались очередные истошные вопли. Родители видели как замертво падают их дети, сёстры кричали завидев смерть братьев. *Ортур!* Кэтэрин принялась нервно озираться, но до того как броситься искать его среди бегущих толп, перехватила ложку за основание и метнула в воздух, что недавно рябил. Красное пятно быстро проявилось на белом фоне. *Первый есть.*

– Ортур! – завопила она, прижимая одной рукой Тевеня, другой вилку наготове.

Всего несколько шагов сделала Кэтэрин, прежде чем заметить очередное бледное движение. *Второй рухнул держась за глаз.*

– Ортур!! – теперь из кармана она достала ножи.

Тот, что предназначен для вскрытия консервных банок, полетел в девушку ровно, когда она прицелилась запустить стрелу в Кэтэрин. Белый платок, покрывающий голову, слетел, оголив русые волосы и свежееокровавленные пряди. Другим ножом силист успела отбить едва различимый снаряд и, подняв его, метнула в парня, что теперь держал на мушке Терезу. Дочь вождя не убежала и не пряталась, она стоически оборонялась сковородой, помогая соплеменникам укрываться в домах. Нож Кэтэрин настиг цель одновременно с бросившимся сбить стрелка с ног Ортуром. Обмякшее тело не встретило юношу сопротивлением и Ортур понял: враг уже повержен. Подскочив с места, он подбежал к Терезе чтобы закрыть грудью. Кэтэрин выходка брата разозлила и всколыхнула гордость одновременно.

– Уводите людей и прячьтесь сами. – завопила она. – Стрелы изо льда пробивают одежду, но не пробивают стены.

– Из льда? – глаза Палантея округлились, когда и он с запозданием подбежал к дочери.

– Полагаю, народ с соседних ледников нашёл чем занять себя в голодные недели. – предположила Кэтэрин, швыряя ложку в очередного стрелка. Супный прибор не убил его, но отвлёк, Кулава с дури до юшки разбил нос мужика.

– Ты не так безнадёжен. – бросила ему Кэтэрин, стягивая с подбитого униформу и лук с полупустым колчаном. – Тевень, беги быстро в дом. – она открыла и мгновенно закрыла дверь квартиры Ылгу.

Расстегнув куртку сильнее, Кэтэрин обернулась мотом напомнить куда должны исчезнуть Ортур с Терезой, но рот дочери вождя первым открылся для крика. Силист Очищения среагировала молниеносно. В развороте, натянув тетиву, выпустила стрелы. Лёд, встретившись с препятствием звякнул. Стрела, пущенная Кэтэрин, попала в плечо лучнику, а его снаряд,

разбившись на осколки, прилетел в бок скалящегося золотого волка. *Лука собственной массой прикрыл Кэтэрин.* После в глазах Карсонцев поплыло. Преодолевая расстояние рывками, волк потрошил воздух, впоследствии сплёвывая кроваво-белые мясистые конечности. Кэтэрин прикрывала зверя, подбирая стрелы у трупов, что явились грабить Вивал. Замысел разбойников однозначно испортил возникший словно из фильмов ужасов гигантский волк. Те, кто не окрасил камуфляж в красный, убегал с коричневыми задницами. Оно и понятно, на их глазах разъярённый зверь щелчком пасти умерщвлял сородичей. Когда крики стихли, а снег лёг на своё прежнее место, Дунай с Танталеоном отправились считать жертвы. 24 тела принадлежало нападавшим и 9 Карсонцам. Вопли страха, сменились плачем утрат, что тут же врезался в сердце Кэтэрин.

– Спасибо. – подошла она к волку, с болью наблюдая, как знакомые ей люди падают к остывающим телам родных.

Зверь, устранив угрозу, не поспешил скрыться из виду, бессмысленно, уже каждый житель Вивала успел разглядеть четвероногого спасителя. Угольные глаза пылали лавовыми венами, озираясь по сторонам, а нос, обонянием перепроверял отсутствие опасности.

– Дашь взглянуть на рану? – Кэтэрин обошла его с боку, разглядеть торчащий кусок стрелы. Видимо осколок, что предназначался Кэтэрин, настиг волка. – Нужно вытащить льдину, потерпишь?

Направив фокус на Луку, она осознанно постаралась притупить разрастающуюся скорбь. *Дети.* На снегу лежало три щуплых тельца, не успевших познать бытия. И сгубили их люди — голодные, обозлённые, отчаянные люди... Головой Кэтэрин понимала, что их вынудили пойти на преступление, но душа твердила, лучше сдохнуть с голода самой, чем стремясь выжить, отобрать жизнь невинного. *А ради Ортура?* Сомнения горечью проступило в горло. Пока Кэтэрин тонула в двояких размышлениях, стрела подалась из плоти, а голос Желя разнёсся глухим эхом.

– Этот живой. – повторил боец, таща мужика, которому Кулава разбил нос.

Скорбящий над телом жены Малвок, разъярённо бросился голыми руками разорвать того в клочья, но Палантей запретил.

– Погодь, нужно допросить. – с пониманием среагировал вождь. – Они могут вернуться, потому необходимо вызнать численность и их оснащённость оружием. Умерь жажду мести Малвок. – Палантей, несмотря на статус, не приказывал, а просил.

Горем убитый вдовец нехотя кивнул и отступился, в глазах стояли слёзы, когда Танталеон, который остановил самосуд, разомкнул руки. Малвок плюнул в пленника и, пошатываясь, вернулся к мёртвой жене.

– С какого ты ледника? – тон вождя переменился, стал строгим, грубым, даже жутким. – Ты всё равно умрёшь, – пообещал Палантей. – но от тебя зависит сколь мучительно. Ответишь на наши вопросы, умрёшь достойно. Смерть без объятий, но примет раскаявшегося.

Кэтэрин поморщилась, Лука, заметив её перемену, наклонил волчью морду.

Карсонцы выходили из домов, окружая пленника, глаза мужика переполняла ужас, бегло осмотрев озлобленные лица, он чувствовал как его ненавидят. Нижняя губа затряслась, руки, что держал за спиной Жель и Хрух тоже мандражировали.

– Простите. – зашептал он. – Если бы не дочь...

Он понимал, что заслуживает смерти. Да, он не отобрал чьей-то жизни, но участвовал в нападении и осознанно пошёл на него.

– Она заболела. – продолжал шептать мужик роняя полившиеся слёзы. – Я хотел спасти её. Простите. – ноги одеревенели и больше не держали, он обвис в руках надзирателей.

Мужское сердце жгло болью, не только от того, что он лишился части души идя на преступление, но и из-за участи, на которую обрёл дочь попавшись.

– Простите...

Дёсны Кэтэрин загнули, неприятный зуд охватил полость рта, являя вкус пересоленного хлеба. К скорби о погибших примешалась вязкая грусть и отчаяние. *Не правильно это* – стучало в голове, *убийством не закончить смерти*.

– Последний шанс. – наседал Палантей. – Шанс на смерть. Мне нужно название твоего поселения, численность и сколько в вашем арсенале оружия?

Мужик склонил голову, слёзы, сопли и кровь из сломанного носа капали ему на одежду и снег.

– Глом, наш ледник. – тихо заговорил он. – Людей оставалось с десятка три, и те сегодня здесь полегли, вы были нашей последней возможностью на выживание.

Карсонцы замерли, округлив глаза. Глом являлся средним ледником, приближённым к экватору. От него до Вивала сотни километров и считалось там ресурсов больше прочих. Зверья, рыбы дуром водилось, а людей насчитывалось свыше тысячи. Теперь три десятка, уму непостижимо.

– Почему с миром не пришли. – дрогнул голос Палантея. Поступок их омерзителен, всё же вождь сопереживал собратям.

– К нам не приходили дружелюбные племена, нас уничтожали. Травили дымом, грабили, атаковали не щадя ни стариков ни женщин, саботировали. Те, кто пережил два месяца атак, решили, что цепляться больше не за что, и мы отправились кочевать. Моя дочь больна, она от вас в нескольких часах пути. Прошу... – поникший отец отчего-то взглянул на Кэтэрин. Его не испугал с ней рядом стоящий волк, к которому не приближались даже те, кого он защищал. – Не дайте ей умереть в одиночестве с мучительными болями, найдите её и убейте быстро. Умоляю вас...

– Оружие... – напомнил Кулава.

Кэтэрин и Палантей не смогли слова проронить, в их человечности пробили брешь, а озлобленность вспыхнула, словно щепка. *Как же так? Людей довели до того, что актом милосердия отныне считается смерть?*

– Всё здесь. – признался пленник, мельком взглянув на Кулаву и возвращаясь к Кэтэрин. – Всё, что я изобрёл, теперь ваше. Дочь... пожалуйста.

Из его глаз продолжали бежать слёзы, но он, не моргая, глядел на саблезубую тигрицу. Кэтэрин чувствовала ответственность в его порыве спасти дочь. Сожаление и безысходность примешивались кислотой к её неприятным во рту вкусам.

– Смерть примет тебя, как достойного. – подытожил Палантей, махнув Танталеону.

Боец замешкался, некоторое время борясь с жалостью. Перед ним безутешный отец, но, спасая кровиночку, он, не щадя, сгубил чужих детей и матерей. Топорик для колки льда вспорхнул с бедра и завис над шеей мужика. Тот не сопротивлялся, напротив, покорно свесил голову, оголяя хребет.

– Дочь, пожалуйста, дочь... – шептал он без умолку, пока борода топора не блеснула последними лучами солнца и заточенное лезвие не порхнуло вниз. Раздался хруст, а следом и шлепок разрубленного тела.

Третья глава

Страх это – отрасль смерти. И от того и от другого тело холодеет.
(Гэр Скверношопот Ральский)

Хлестающая кровь и стук упавшей головы даже спустя час продолжали преследовать Кэтэрин. Хотя вокруг свистел ветер, а под ней громко пыхтел золотой волк, память зло окунала в минуты казни. Ей показалось, Палантей и сам желал бы остановить самосуд, но люди, потерявшие близких, не дали б житья мужчине, причастному к их горю.

– Ты в порядке? – перебивая звук воспоминаний, в десятый раз спросила Кэтэрин волка о его самочувствии. Рана зверя обильно кровоточила после того, как изъяли стрелу, но стоило Кэтэрин перевязать ему бок медицинской повязкой, Лука всполошился отказываясь оставаться на месте. Девушка, конечно, и не планировала задерживаться на Вивале, зная, что в южных снегах ребёнок в беде, но и просить раненного волка тащиться с ней не думала. Кэтэрин пошла б сама и на своих двоих, если б больше желающих не возникло. Но, учитывая настырность волка, что легкомысленно отнёсся к свежей, до сих пор кровоточащей ране, Кэтэрин послушно сидела на его спине, держась за шерсть, и тихо беспокоилась. Нёсся Лука со скоростью самолёта. Это не та размеренная ночная прогулка к небесным светочам, это спасательная операция. Хотя по её окончанию, похоже, спасти придётся самого волка. Швы на боку не выдержали натуги и разошлись, бинты скоро стали напитываться кровью. Однако, спустя часы поисков, им удалось отыскать нужную ледовую пещеру. Нюх Луки здесь пришёлся как нельзя кстати, да и его лапы, да и весь он, что уж там. Единственное, лезть с ней в тесную, снежную нору Кэтэрин ему категорически запретила.

– Эй. – крикнула она, с трудом протискиваясь в мелкую тёмную щель. Лука нарочно громко фыркнул ей в след. Но как бы волк не вредничал, проём, выколотенный явно наспех, не вмещал даже его морду.

– Я справлюсь, не переживай. – старалась успокоить его девушка, прежде чем скрыться из виду.

Внимательные и прозорливые угли вперились в опустевшую расщелину, готовя челюсть, в случае чего зубами лёд грызть.

Преодолев узкий тоннель, Кэтэрин выбралась в низенькую полукруглую времянку. Нашупав в сумке миниатюрный самодельный факел, чиркнула спичкой, чтобы поджечь ткань. Темнота расступилась, окрашивая подземелье оранжевым светом и карикатурными тенями. Кэтэрин опустила факел ниже, внимательно озираясь по сторонам. В углу, нашлись двое детей. Девочка с перевязанной головой лежала у стены, мальчик, немногим старше, обнимал её, пытаясь согреть. Оба никак не реагировали на появившегося в убежище человека.

– Ребята, вы меня слышите? – чтобы не напугать детей Кэтэрин медленно шагнула в их направлении. – Я помогу, хорошо?

Мальчик, отходя будто бы от глубокого сна, шурясь, с трудом поднял голову, его бледная кожа и впалые щёки пугали Кэтэрин почти так же, как неподвижно лежащая златовласая девочка.

– Всё хорошо, я пришла помочь. – повторила Кэтэрин, подбираясь к кудряшке, чтобы проверить пульс. Не сразу, но ей удалось нащупать слабое сердцебиение. – Живая. – с облегчением выдохнула она.

– Кто вы? – мальчик не выглядел напуганным, но держался настороженно. – Где наши отцы?

– Погибли. – Кэтэрин понимала, что сообщать детям о смерти близкого человека нужно деликатнее, но не нашла слов, что не выглядят как враньё или увиливание. – Они послали меня спасти вас, но одна я не справлюсь. Мне понадобится твоя помощь. – Кэтэрин попыталась расположить мальчика. – Вместе мы выберемся отсюда. Ты готов?

Не раздумывая он кивнул незнакомке и приподнялся на колени.

– Меня, кстати, Кэтэрин зовут. – представилась она, укладывая девочку на руки.

– Я Рэм, а это Ликия. – в ответ представил их мальчик. – Она давно не просыпается, я боюсь за неё.

– Всё будет хорошо, главное двигаться, а там, за ледяными стенами нас ждёт волшебный волк.

– Что? – мальчику на вид было лет 11, конечно, он давно не верил в чудеса.

– Я не шучу, пойдём, сам увидишь.

Кэтэрин передала ему факел, наказав быть путеводителем, сама крепче прижала Ликию к груди, облокотив маленькую голову на плечо. Повязки на её висках, как и у Луки, были испачканы кровью, причём, похоже, даже свежей. В тоннеле Кэтэрин пришлось извернуться, чтобы суметь протиснуться, не выпуская девочку из рук. Поцарапав ладони и разорвав рукав куртки, Кэтэрин всё же вытащила Ликию на свет. Обомлевший Рэм едва не выронил факел, когда первым выбрался из расщелины. Перед ним предстал зверюга в метры выше него.

– Не бойся. – Кэтэрин, встав на ноги, подошла к Рэму. – Он друг.

Лука, увидев травмированного ребёнка, тут же лёг на снег, готовый мчаться на Вивал.

– Сначала я проверю твою рану. – серьёзно сказала девушка, всё же укладывая Ликию на шерстяную спину.

Лука недовольно рыкнул, Кэтэрин могла поклясться, что услышала *“не до меня сейчас”*, но была совершенно с этим не согласна и не принимая возражений, оттянула повязку. Рана из-за того, что её волновали даже не начинала затягиваться, а путь обратно не близкий, да и ноша станет тяжелее. Волк истечёт кровью.

– Неси детей, я сама дойду. – Кэтэрин принялась заново перетягивать ему бинты.

Волк уставился на неё как на сумасшедшую. – Давай, поспеши. – она посадила Рэма и отошла.

Лука не сдвинулся.

– Я не шучу, я цела и здорова, в отличии от вас, не заметите как обгоню.

Волк сощурился. Человеческие ноги не идут ни в какое сравнение лапам, стопы вязнут в сугробах. Да и насколько помнил Лука, стайерские дистанции не самая сильная сторона Кэтэрин. Зверь остался лежать.

– Лука, пожалуйста.

Он закрыл глаза, опустил морду не желая даже слушать бредовых идей этой девицы. Сколько она пройдёт, прежде чем шваркнется на льду, разбив затылок, или, пока бакуган, напав на след, не бросится по нему, чтобы сожрать её?

Кэтэрин поняла, Лука не отступится, но и ей упрямства не занимать.

– Компромисс, гэр Ситников. Соглашение. Пока мы на ровной поверхности, я бегу рядом. Стану отставать или выбьюсь из сил, без позёрства взберусь к тебе на спину. Договорились?

Волк поднялся на лапы, Рэм, всё ещё пребывая в растерянности, накрыл телом Ликию, цепляясь за звериную шерсть как до этого велела Кэтэрин. Движения Луки девушка расценила как согласие и потому первой рванула в сторону Вивала. За спиной раздался протяжный вой, волк предупредил местных животных, что человек подле него неприкосновенен, и бросился следом. Азарт, адреналин и толика веселья обуюла Кэтэрин, сама от себя не ожидая, она

улепётывала от волка почти с улыбкой на лице. Правда спустя примерно километров десять она споткнулась о собственные вязнущие в снегах ноги. Отсутствие персональных тренировок Бордо сказывались на ней не лучшим образом, всё же остаться в Дэверго она бы не смогла, даже ради Мены. Волк обогнул грохнувшуюся в снег девицу и прилёт, выжидая выполнение уговора. Запыхавшаяся Кэтэрин выбралась из сугроба, быстро стряхнула с волос и с куртки снег и, состроив извинительную гримасу, полезла на зверя.

В Вивал они вернулись спустя несколько часов отсутствия. Ортур, Тереза и Дунай сидели у лубянки Палантея, ожидая их возвращения. Вождь же, распределив часовых, ледобурам приказал в центральной скале рубить ход с середины почти под самую макушку. В ряду сложившихся обстоятельств им нужна дозорная вышка. Сам Палантей закрылся на складе с Ылгу. В приоритете – разобраться с технологией изобретения ледяных стрел и разработать стратегию на случай нового нападения.

– Сестра! – Ортур разглядел их ещё у тёмного горизонта.

– Как ты сумел их увидеть? – удивился Дунай всё ещё не различая приближающиеся силуэты. – Вот это глаз-алмаз.

– Не убила. – выдохнула Тереза, когда Кэтэрин, прыгнув с волка, помогла слезть Рэму, а затем потянулась к Ликии.

– Двое? – подошла Зуна, жена вождя, мать Терезы. – Живые? Кэтэрин, это лишние рты.

– Мама. – осекла её дочь. – Как ты можешь так говорить? Они же дети!

– Которых привезли взамен нашим? – Зуна негодовала. Этим днём она простилась с племянницей, опуская маленькое тело в прорубь под лёд. Нападавших они похоронили в других водах, чтобы палачи и жертвы и в ином мире не смогли встретиться.

– Вы всерьёз решили что моё скорое исчезновение было ради убийства ребёнка? – Кэтэрин вновь вспомнила Мёну, чтобы примерить её невозмутимость.

– Я вообще не понимаю, зачем ты выполняла просьбу человека, который напал на поселение, что приютило тебя.

– Мама!! – Тереза была шокирована слышать подобное от женщины, что родила её и воспитала добрым и справедливым Карсонцем.

– Всё изменилось, моя девочка, – Зуна повернулась к дочери, – надежды рухнули, снежные замки снесло лавиной крови. Грядёт война, а переживём мы её или канем, как Глом, одной судьбе известно.

Кэтэрин скривилась, будто её обругали, но в отличие от отчаявшейся женщины всё это время она оттесняла уныние, дабы держать рассудок здоровым. Она не допустит междоусобицы и не оставит Вивал или любой другой ледник на поруки судьбы.

– Я хочу собрать совет. – строго бросила Кэтэрин Зуне. – Предупредите вождя, о встрече на уличной кухне через час. И, – глаза её блеснули молнией, – ещё раз спасибо, что приютили.

Зуна хотела что-то было возразить, но лишь стыдливо опустила голову.

Подняв Ликию, Кэтэрин осторожно разместила её голову на плече, Рэма взяла за руку и повела к Карсонскому шаману. Он наверняка закончил с ранами пострадавших в битве и теперь мог позаботиться о детях. Волк, задержавшись, склонил морду улавливая взгляд задумчивого Ортюра, но мгновения спустя сбросил наваждение и поспешил вслед за Кэтэрин. Клэш на появление на пороге “вражеских” детей отреагировал миролюбиво. Рэму он тут же замешал успокоительную настойку из глубоководных водорослей, а голову Ликии обложил льдом, чтобы пока он готовил лекарство, температура, что видимо одолевала её не первый день, отступила и уменьшила кровоизлияние, сузив сосуды.

– Я отойду ненадолго, пожалуйста не обижай их. – попросила Кэтэрин старика.

Он лишь печально взглянул на неё голубыми глазами и стыд за сказанное тут же кольнул грудь. Однако извиняться она не стала, как и задерживаться.

Лука сидел у лубянки Клэша вслушиваясь в нестихающую вокруг суматоху.

– Твоя очередь. – сдвигая плед, что служил шаману дверью, Кэтэрин выглянула из лубянки и осторожно потянулась к повязкам зверя. Кровь из раны испачкало слишком много золотой шерсти. – Придётся заново обработать и зашить. Правда теперь у меня нет игл, но я попрошу кости у Клэша.

В вулканическом взгляде вспыхнула непокорность. Он оставался лишь убедиться, что воцарился какой-никакой порядок. Теперь же, отвернувшись от девушки, волк потрусил вдоль построек.

– Лука. Куда ты собрался в таком виде? – Кэтэрин побежала за ним. – Я понимаю, ты хочешь вернуться в зазеркалье, в лес, к свободе, но...

Волк тут же остановился и обернулся. Его взгляд наполнился болью, чёрной с винными прожилками. Золотая шерсть с морды полезла на макушку, превращаясь в волосы. Дугообразная спина хрустнула и стала выравниваться. Когти втянулись в тело, возвращая человеческие пальцы, а задние лапы преобразились в ноги. Перед Кэтэрин на снегах ледника, явился совершенно голый гэр Ситников. Белый шрам растянулся в игривой улыбке, глаза выразили нежность, и плевать, что по бедру струйками стекает густая кровь.

– Про свободу это ты смешно пошутила, малышка. – Лука прижал ладонь к ране, даже не думая прикрывать мужское достоинство, что как оказалось совершенно не боится мороза.

– Лука! – щёки Кэтэрин взались румянцем, но она заставила себя не отворачиваться. Пасмурные глаза устремились к винным.

Он продолжил улыбаться.

– Зашить зверя не выйдет, нитки всё равно перетрутся, – объяснил Лука, – а вне волчьей шкуры я долго не протяну на вашем воздухе. Потому мне нужно уйти.

Как обычно – подумала Кэтэрин.

– Но ты можешь пойти со мной. – неожиданно сказал Лука, улыбнувшись ещё шире и повернулся к ней голым, упругим задом, чтобы уйти в том же направлении, куда собирался волк.

До собрания, оставалось каких-то полчаса, но бросать Луку раненым подло, потому, без раздумий, она бросилась за ним. Идти далеко не пришлось, гэр повернул к лубянке вождя и беспардонно, по хозяйски вошёл в дом.

– Обязанные разрешения не спрашивают? – не останавливая голого парня, следом топала и возмущалась Кэтэрин. Лука зная повернул по коридору в направлении предбанника.

– Никогда, разве, что перед тем, как поцеловать тебя. – лучезарная улыбка отразилась в зеркале с рамой из сотни глаз. (Про него девушка совсем забыла.)

– Лука...

– Знаю, знаю, твоё сердце уже занято.

– Нет. – резко отмахнулась она, а гэр заинтригованно задрал бровь. – Я не о об этом. Ты бледный. – на свету в лубянке стало отчётливо видно, как песочная кожа гэра откровенно посерела. Звёздное небо сокрывало отчаянность положения. – Нужно спешить.

– После дам, – Лука отступил, пропуская Кэтэрин. – ну или, если хочешь ещё разок взглянуть на мой зад, я с удовольствием пройду первым. Твоё громкое нет звучит многообещающе.

Кэтэрин закатила глаза, допуская мысль, что сейчас он перед ней сверкает не задницей, а членом, и быстро шагнула в полотно.

Холод ледника сменился лесным теплом. Нога Кэтэрин ступила на мягкий зелёный луг, что плотно окружали лиственные деревья. Приятный летний ветерок гулял средь крон, встречая гостью шелестом веток. В центре поляны стояла хижина, очень похожая на ту, что однажды она видела в видении с Лукой, но более облагороженная. Чистые оконные стёкла в резных ставнях, целый добротный порожек и массивная дверь. Стены явно недавно остроганы и покрыты лаком.

– Заходи, – раздался голос позади, – разве прежде ты здесь не бывала?

– Дом выглядел иначе – ошетилилась она от воспоминаний, – а стояла хибара не на поляне, а на тропе, ведущей к яме из костей.

Кэтэрин учтиво не оборачивалась к Луке.

– Вначале дом в самом деле походил на пыточный сарай, а вот местность дорисовывало уже твоё воображение.

– Да, Попьеze предупреждала, что без должной подготовки к видениям могут примешиваться личные фантазии. Ну да не важно, пошли тебя штопать.

Кэтэрин дёрнула ручку не запертого домика (конечно, кому тут нужны ключи? Влезть в логово волка равноценно самоубийству) и ахнула. Соломенная подстилка сменилась громоздкой кроватью с маленькими лампочками вместо балдахина. Перекошенный стол у стены заменила полка с оружейным инвентарём, среди него так же лежали плётки с наручниками. Угол, где Лука себя раньше сковывал, теперь оборудовали под компактную кухню со столешницей и парой высоких стульев. Закуток вправо вёл к деревянной ванной с резными комодами и каменным полом. С потолков всюду свисали лозы гирлянд, создавая уют и ощущение собственного звёздного неба. Кое где стояли массивные горшки с цветами, те, что поменьше, крепились на стенах. В подвале, который Кэтэрин не видела в видении, располагалась библиотека, переходящая в гардеробную и... мини огород. *Представляете Ситникова фермером?*

– Хорошо устроился, здесь...приятно. – выдохнула Кэтэрин, не скрывая восхищения от вида проклюнувшегося из земли салата.

– Рад, что тебе нравится. – Лука открыл дверцу в стене, что опускаясь становилась подвесным столом, а из под его полки вытащил аптечку.

– Предусмотрительно.

– Я гэр, Кэтэрин, в первую очередь, о чём стоит позаботиться в собственном логове – это о месте, где ты можешь привести в порядок себя или товарища.

Парень уселся на стол, сдвинул с бёдер простынь, что прежде стянул с кровати как только вошёл в дом и, облокотившись на руки, передал власть над телом Кэтэрин.

– Справишься с иглами или может я сам? – подтрунил он.

Болезненные синяки, что расползлись кругами под его глаза, не оставили Кэтэрин времени на взаимные колкости.

Она открыла чемоданчик и принялась искать всё ей необходимое.

– Я думала у волка регенерация лучше, чем у простых обязанных. – рассуждала она вслух.

– Так и есть.

– Тогда почему ты до сих пор истекаешь кровью?

Лука склонил голову на бок, пшеничные волосы упали ему на лицо. Во взгляде Кэтэрин уловила иронию.

– Потому, что какой-то кусок стрелы всё-таки остался в твоём теле и не позволяет ране срастись. – догадалась Кэтэрин.

Лука одобряюще моргнул.

– Почему ты промолчал? – взбрыкнула она, про себя итак зная ответ. – Выходит наконец-то стрел не изо льда. Иначе тот бы уже, находясь в тебе, растаял.

– Во мне... – тягуче промурлыкал Лука запрокидывая голову. – Нет. Мне не нравится. Лучше, когда я в роли наполняющего. Ай... – вздрогнул он.

Кэтэрин, не обращая внимания на пошлые шуточки, принялась обрабатывать рану шипучим антисептиком, похоже, он не хило щиплет.

– Такой большой, а дёргаешься. – съязвила она.

– Ты обо мне целиком или о какой-то конкретной части?

– Лука! – Кэтэрин уже склонилась над бедром парня, застыв с щипцами. – Что с тобой?

Улыбка с лица Луки тут же испарилась, в глазах промелькнуло сожаление.

– Прости, я нервничаю когда ты рядом. – признался он.

– С каких пор?

– Наверное, с момента, когда признался, что влюблён.

Кэтэрин взглянула на гэра, пожалуй, впервые за прошедшие месяцы, под её рёбрами гулким ударом о себе напомнило сердце. “Тихо!” – она отругала глупый орган. Не нужна ей симпатия или сраные бабочки в животе, ничего не нужно, что касается любви. *Нет боли страшнее, чем потеря куска собственного сердца.*

– Терпи. – двусмысленно ответила Кэтэрин и щипцами углубилась в рану.

Около пяти минут Лука хмурился и даже шипел. Изъяв щепку стрелы, Кэтэрин ловко сшила ткани.

– Хитро. – подметил Лука, когда они уже вышли из подвала. – Замораживать в наконецниках надломленные трубчатые кости зверья – изощрённый метод довести дело до конца. Где не убила стрела, убьёт оттаявшее содержимое.

– Это жестоко. – буркнула Кэтэрин забирая со спинки стула куртку. – Не оставить и шанса на выживание — бездушность и, боюсь, подобные изощрения, начало конца. Нужно многое обсудить с Карсонцами, не провожай, я запомнила где ты расположил зеркало.

Распахнув дверь, Кэтэрин вышла в лес, глубоко вдохнула чужое дыхание, смешанное с запахом влажной почвы, и, не задерживаясь больше, покинула зазеркалье.

Резкая перемена температур заставила девушку стучать зубами пока тело опять не привыкло к аномальному холоду. В уличной столовой собирался народ, заполняя обеденные столы. Зуна решила не ограничиваться вождём и его приближёнными и созвала всех выслушать Кэтэрин. Может, оно и к лучшему.

– Доброй ночи, Карсонцы. – дрожь тела ушла, сменившись уверенностью. – То, что произошло этим вечером, возможно, стоит отнести к разминке, – от серьёзности её тона по толпе пронеслись недобрые шепотки.

Некоторые думали, тигрица созвала их выказать соболезнования, но на то нет времени.

– Глом в разы больше Вивала, всё же он пал под натиском соседствующих ледников. Разграбив близ окружающие поселения, те же люди явятся и сюда. Потому, прежде, чем покинуть Вас, я предлагаю рыбакам, охотникам, швеям, да любому, кто твёрдо стоит на ногах, научиться защищаться.

– Что значит покинуть, Кэтэрин? – удивился Ылгу. – Ты решила бросить нас на произвол судьбы?

– Ни в коем случае. – лицо девушки заострилось. – Судьбе я ничего не оставляю. Но также отступаться от других народов я не могу и потому приняла решение – вернуться на тёмную землю биться за возобновление договоров и поставок провизии на все Ледники. Без помощи сената голодные и напуганные граждане поселений сравняют барханы со снежной гладью, а этого допустить нельзя. Помимо того, что Карсонцы станут обучаться обороне, люди, назначенные дипломатами, возьмут на себя вылазки к чужим территориям. Нам нужны союзники и объединения.

– Зачем нам так рисковать, приглашая чужаков? И чем нам их кормить? – не понял её замысла Палантей.

– Мир лучше, чем война, вождь. Сегодня же я отправлюсь в Вересач с Бэджем, чтобы по прибытию продать дом Мафы.

В горле кольнула досада. Ортур на подобное заявление не отреагировал никак, он не собирался возвращаться. Всё же Тереза крепче стиснула его ладонь.

– На вырученные щиты мы сумеем обеспечить огромное количество людей вещами первой необходимости, чем уже вызовем желание примкнуть к нам. Пока я буду вести бурную войну с чинами близлежащих городов, вы, напротив, должны налаживать покой и... – Кэтэрин оглядела народ, что, не моргая, внимал каждому её слову, – найти полезный социуму вне сне-

гов род деятельности. Так мы сумеем расположить к себе и граждан тёмных земель, напомним им, что здесь живут люди, не менее необходимые обществу.

– Чем нам заниматься, Кэтэрин? – Терезе нравилось всё, что предлагала тигрица, но было много нюансов. – Лёд востребован среди местных для построек мебели или на топку воды. Животных мы не видели много месяцев, не считая твоего волка. – Кэтэрин нервно поправила ворот куртки. – Рыба ушла ко дну, не выудить. Да скоро и рыбачить будет не на что.

– Мы всё решим. – конкретики по каждого пункту пока у Кэтэрин не было. – Всё по порядку, Тереза. Сейчас главное примерить ледники, донося нашу мысль о мире и возможностях, что они приобретут, примкнув к Вивалу.

– Хорошая задумка, – вклинился Кулава, – однако с сотню лет до нас никому дела не было. Так, крохами делились, чтобы не гавкали. С чего вдруг сейчас — только не принимай на свой счёт, тигрица – кто-то из чинов государств расщедриться на крупную помощь от одних твоих просьб?

– Времена меняются. – кратко бросила Кэтэрин, отгоняя мысли, где она вгрызается в грудь, лишая дыхания первого же отказавшего ей в милости бюрократа.

Четвёртая глава.

*Сильные люди не ломаются там, где
тяжело или трудно, они ломаются там, где устали.*
(Гэр Стукач Волона)

– Серьёзный настрой на диверсию, с чего начнём? – подал голос Лука выставяя руку, чтобы помочь Кэтэрин спуститься с ораторского помоста.

– С отдыха. – сощутив глаза ругнулась она. – Что ты здесь делаешь? Твоя рана...

– Жаживает и без моей помощи, – перебил Лука зарождающуюся тираду, – а вот тебе я нужен. Тяжело одной тренировать такую разношёрстную ораву, а я как-никак гэр, опыт имеется.

Кэтэрин замолчала на несколько секунд, обдумывая его предложение. Она уедет, пусть ненадолго, но всё же время, пока она будет отсутствовать, можно потратить с пользой. Лука начнёт с азав.

– Сейчас сил ни у кого не осталось. – заговорила она. – Людям впрямь нужен отдых.

Гэр кивнул:

– Пока подготовлю тренировочные площадки.

В груди Кэтэрин ёкнуло во второй раз, ОБЯЗАННЫЙ старается и хочет помочь людям. Понятно, что и в его интересах здоровые и физически, и морально сосуды, всё же, Кэтэрин была уверена — Лука тут не из жажды насыщенного дыхания а потому, что действительно соперживает.

– Спасибо тебе большое. За всё.

– Звучит так, будто ты прощаешься. – Кэтэрин потупила взгляд. – Отчасти, с чем-то я впрямь попрощалась, но тебе, искренне и безмерно благодарна. Ты спас меня, в очередной раз...

– Ты бы не умерла, Кэтэрин Вэйс. Чутьё мне подсказывает, что сам Смерть держит тебя под крылом. – Лука постарался улыбнуться, но вышло как-то карикатурно.

Кэтэрин тут же уставилась в сливовые глаза.

– Ты знал?

– Догадался, когда учуял запах на серых письмах, а после на тебе. Но даже не вздумай сейчас обвинять меня в молчании. – повысил он голос, зная натуру Кэтэрин. – Твои отношения не должны меня касаться. Кто я такой, чтобы лезть с нравоучениями.

Кэтэрин насупилась, хотя понимала, что он прав.

– Тогда спасибо, но не за всё. – фыркнула она и, обогнув Луку, пошла к Ортуру. Брат не вмешивался в дела сестры, потому ждал на почтительном расстоянии.

– Этот мужчина – тот золотой волк? – спросил Ортур, кивая на Луку.

– Как догадался? Потому, что прежде не видел? – ухмыльнулась Кэтэрин.

– И да, и нет, не могу объяснить. – Ортур потрянул светлыми прядями. – Бэдж и Годор уже в фуре. Я нужен тебе...? – он запнулся. – Для поездки домой?

– Мне очень хочется сказать “да” и увезти тебя отсюда подальше, но я представляю, что ты будешь испытывать в разлуке с ней, потому не стану врать. Нет, мой любимый, я прекрасно справлюсь со взрослыми обязанностями сама. А ты будь здесь начеку и не ленись. С рассветом Лука созовёт Карсонцев на общую тренировку, у Вас будет всего 2, за редкостью 3 часа для обучения. После он будет уходить.

– Понял. Зеркало. Я видел как ты из него возвращалась.

– Хорошо, смыслённый мой. Однако постройте, наверно, отдельный кубрик для рамы. Неловко будет Луке свободно разгуливать по дому Палантея. Вождя схватит инфаркт, если вдруг гэр по запарке явится в волчьем обличье.

– Я люблю тебя.

– И я тебя, мой дорогой. – Кэтэрин обняла брата.

– Ты не скучаешь по нему?

Сестра знала о ком спрашивает Ортур, но не стала отвечать, тряхнув косой.

– Тебе новое письмо. – отстранился парень от Кэтэрин, доставая из кармана серый конверт. – Потому я спросил. – он протянул бумагу.

– Прочитай. – голубые глаза смотрели слишком осознанно для пятнадцати лет. Кэтэрин показалось, её душат. – Ради меня, сестра.

– Он забрал нашу баба. – девушка была категорична.

Но образовавшаяся от расставания с Вэ пустота зазвенела непрошеной тоскою.

– А что ему нужно было сделать, Кэт? Бросить душу гибнуть в теле или не трогать дыхание, чтобы оно просто сгнуло...?

– Оставить её живой. – шёпотом перебила его сестра. – Живой.

– Кэтэрин...

– Не надо. – запротестовала она.

– Просто прочитай. – письмо всё ещё трепыхалось в руке Ортура. – Выслушай его, дай шанс объясниться. Боюсь даже представить, что с ним происходит. Если б я по необходимости стал сопроводителем души Палантея, а Тереза за то бросила меня... Я бы сгорел. Одинокая вина за боль, приченённую любимым, точит страшнее моли, тебе ли не знать.

Пальцы Кэтэрин дрогнули, она выхватила конверт и, вновь обняв брата, ушла к фуре, что уже рычала заведённым двигателем и сияла включёнными фарами. Свет их ярко озарял оставшуюся после нападения кровь на снегу. Напоминание. Бельмо.

– Тереза! – Кэтэрин остановилась у ступеньки в кабину. – Присмотри за детьми. Если с ними хоть, что-то случится, – она нарочно усилила голос, – я вам этого не прощу. Пронзительным взглядом Кэтэрин оглядела каждого, кто собрался проводить её, но кивнули лишь трое: Ортур, Лука и Палантей.

Дорога в Вересач встречала снежной бурей, обледенелой дорогой и дотошными проверками на границах, но всё же, проделанный путь Кэтэрин казался легче чем...

– Давай, я войду первым. – предложил Бэдж, стоя на пороге дома, обшитого белым сайдингом.

– Нет, я должна сделать это сама. Спасибо, друг. – глаза запекло, в груди отчего-то засвербил гнев. – Найдите то, о чём я попросила, – Кэтэрин старалась оттянуть момент, когда скорбь накроет удушающей вуалью, – составьте список необходимой провизии и предупредите поставщиков, что льгота от государства в ближайшее время поступит им в оплату процентов.

– Но это же не так, нам соберут товар, а щитов не хватит... – начал Бэдж, но Кэтэрин его осекла, подняв руку.

– Сделай, пожалуйста, то, о чём Я говорю.

– Хорошо.

Хавер младший и Годор, не задерживаясь, скрылись за поворотом улицы. Только тогда, выдохнув, Кэтэрин провернула ключ в личинке и вошла в дом. *Он всё ещё пах ею.* Стены, ковры, расстановка мебели, растения – всё здесь олицетворяло Мафу. Голова заболела, ноги, как проклятые, подкосились, дыхание спёрло, а сердце... Кэтэрин схватилась ладонью за грудь, случайно задев конверт. Не обращая внимания на шелест, она медленно скользнула по двери вниз и, сжавшись в комок, улеглась в пороге. В висках запульсировала кровь, тело лихорадило, а мысли, сбиваясь в кучу, рвали изнутри, но мучения длились недолго. Спустя считан-

ные минуты, ею завладело спокойствие, *приказывая взять себя в руки*. Кэтэрин утёрла распухший от слёз нос и села, взглянув по сторонам, встала. Во рту появился вкус мятного пирога, может, это привкус самообладания, что она как-то умудрилась откусить. *Нет. Это не десерт и не самовнушение, это — дыхание бабушки*, догадалась девушка. Дом – своего рода прейс с живыми эмоциями и чувствами Мафы Лутас, а Кэтэрин, видимо, способна их впитывать.

– Прости, баба. – умывшись и приведя себя в порядок, Кэтэрин вошла в её спальню. Погладила подушки, где лежала её голова, коснулась стола, где та часто что-то писала. В ящике нашла СН 94, отполированный и на взводе. Мафа никогда не мешкала и была уверена в себе.

– Я скучаю... – выдохнула Кэтэрин, запечатлевая каждую деталь в комнате. – Мне бы так хотелось оставить напоминанием о тебе дом, что ты обжила для нас с Ортуром забрав из приюта Моризель. Но баба, там гибнут люди из-за голода и страха. Прости меня... – под рёбрами kloкотало, глаза вновь запекло, но Кэтэрин представила, что ведёт настоящий диалог с Мафой, а бабушка бы не одобрила внучкино соплежуйство.

– Мы с Ортуром оставим тебя в сердце и в нашей памяти. Навсегда. Думая и надеясь, что ты рядом, и мы однажды обязательно встретимся. Я люблю тебя!

Ненадолго девушка замерла, ожидая какогонибудь знамения или, может, молнии, что сквозь крышу пронзит Кэтэрин за кощунство к ценностям, несоизмеримым со щитами, но ничего не произошло. Шторы не колыхались, кастрюли не гремели и дверью никто не хлопал, в пустом доме остались только их дыхания. *Душа Мафы давно покинула остывшие стены*. Кэтэрин, втянув воздух носом и выдохнув ртом, аккуратно открыла шкаф баба. Поднявшись на носочки, с верхней полки сгребла документы на дом и несколько открыток, что Ортур и Кэтэрин старательно рисовали ей на праздники. Мафа зачем-то сохранила эти детские каракули. По телу, по миллиметрам зализывая раны, полилось тепло, на сердце становилось легче и мерещилось – воздух сгушался, чтобы обнять её. Но Кэтэрин никогда не ставила себя на первое место, потому, не дожидаясь дальнейшего исцеления, спустилась на кухню, поставила телефон на зарядку и заварила цикорий в бабушкиной кружке. Девушка расстегнула куртку перед тем, как сесть за стол из запазухи упало письмо. Несмотря на август, её с час морозило, мысли снедала совесть, а теперь ещё и рот пересох, что ж, ей всё равно больно. Кэтэрин, не давая себе возможности передумать, сорвала корешок, вытащила белый лист с идеальным почерком и уставилась как будто в незнакомые буквы. Воздух на кухне наполнился карамелью, а она – тоской.

“Не знаю, смею ли я надеяться, что этого письма, наконец, коснуться ваши пальчики, но с каждым отправлением произношу о том молитву Покровителю. Большого я у него просить не смею, ведь простить меня лишь в вашей власти. Кэтэрин, я понимаю какую боль Вы испытываете, чувствую её на расстоянии и рвусь на части, желая оказаться рядом и утешить. Но одновременно запрещаю себе о таком даже мечтать, иначе разрушу выстроенную вами между нами границу. Как бы меня ни ломало и ни вело, я уважаю ваш выбор, я подвёл вас. Но клянусь, здесь не было иного выхода. Идти наперекор концу Жизни и рвать нить, связующую с Судьбой, запрещено даже Смерти. Вмешательство в исход или тем более воскрешение несёт за собой неожиданные последствия — это прямое нарушение законов Покровителя. Я перебрал много вероятностей и плотно занялся изучением возможных нарушений правил, но таковых не оказалось. Кэтэрин, если бы я мог...

Тирада вышла похожей на оправдание, но моему поступку – его нет.

Честно признать, я пытался оставить вас и не докучать, однако, чем бы себя не отвлекал, какие бы сложные задачи не ставил, мои мысли постоянно возвращаются к Вам, словно тень, что неотступно следует за каждым вашим шагом. Без Вашего присутствия мир кажется тусклым и безжизненным, а сердце — разбитым и пустым. Но это мои проблемы, и я ни в коем случае не жду от Вас жалости или содействия.

Всё, о чём я искренне прошу, это простить меня. Рана, что зияет в вашей душе, не даёт мне покоя. Я обещаю не писать Вам боле, не являться во мраке и никак о себе не напоминать, но умоляю, не бросайте учёбу из-за такого, как я... Ваши стремления превыше моей повинности, Ваши цели прекрасны и редки, как Вы и цветок домаста. Не отступайтесь от планов, я верю, Кэтэрин Вэйс, своенравная, упёртая и сильная девушка, добьётся мира, а ранимая и чувственная Кэт украсит его.

Благодарю Покровителя за встречу с вами!

Ваш В”

В груди не ёкало, как раньше, ресницы не трепетали, бегая по словам, а щёки не краснели от бумажных ласк. Зато в горле образовался ком, глаза будто засыпало песком, а жгло как от мыла. Кэтэрин, сморгнув болезненные ощущения, сложила письмо обратно в конверт и, оставив его вместе с пустой кружкой из под цикория, взяла телефон и вышла из дома.

– Мне нужен Скверношопот. – вслух бросила она, замыкая дверь.

Где может быть тот, кто шепчет идеи и провоцирует людей на глупости? Кэтэрин без раздумий направилась в госдуму.

Вызвав такси, первым адресом она назвала ломбард. Несмотря на то, что родительский дом по рыночной стоимости можно было продать за 1 600 000 щитов, из-за срочности она согласилась и на 1 100 000. Владелец лавки сиял, как новогодняя звезда, подписывая договор о купле-продаже. Уголки губ Кэтэрин дрогнули лишь, когда на телефон пришло оповещение о пополнении счёта.

– Бэдж... – набрала она друга, подъезжая к особо сложной части намеченного. – Как проходит сбор?

– Кэтэрин, если ты договоришься о 50%-ой льготе, как было раньше, на 2 200 000 щитов мы сумеем обеспечить совершенно всех граждан ледников первенеобходимыми товарами.

– Основная часть провизии должна быть под контролем Карсонцев. Такой вождь, как Палантей, сумеет рационально распределить нужды и плюс – это своего рода гарант того, что с Вивалом будут объединяться.

– Сегодня ещё и от Мены пришло 100 000 щитов, не знаю где она их раздобыла, но Кэтэрин, если ты сумеешь достать подписанный документ о льготе, этот день станет для меня, да и для всех поселений, одним из самых счастливых.

– Достану. – уверенно ответила она и отключилась.

Таксист остановился у госдумы. Вспыхнувшая тревога скрутила внутренности, связывая между собой кишки. На девушку давила не просто ответственность за успех, в её руках, словно в пальцах Велии вертелись судьбы тысяч людей, а это, мягко говоря, кружило и голову.

– Здравствуйте. Я Вера Ортайм, секретарь мистера Грега Диновича, чем могу помочь?

В огромной приёмной стоял небольшой дубовый стол, за ним теснились шкафы с документами и висело несколько картин. Худенькая девушка с папкой в руках, поправляя каштановый пучок, перегородила дорогу Кэтэрин. Зелёные глаза Веры растерянно бегали по странной посетительнице. Пристальный взгляд секретарши натолкнул Кэтэрин тоже осмотреться. Опустив взгляд на ноги, тут же почувствовала стыд. *Почему она не догадалась переодеться?* Напротив стояла опрятная девушка на каблуках, в классических брюках и выглаженной блузе. Кэтэрин же, с растрёпанной косой, в штанах с заплатками и старом свитере походила на босячку из ближайшей подворотни. *Таких местные власти без разбора ссылали на ледники. Когда социуму сухой земли от тебя нет прока, ищи своё призвание среди снегов.*

– Мне необходимо поговорить с вашим начальником. – уверенно произнесла Кэтэрин, заталкивая смущение куда подальше.

– По какому вопросу? – Вера общалась учтиво, но, казалось, понемногу смещалась к тревожной кнопке для вызова охранников, их Кэтэрин, сливаясь со стенами, чудом миновала в холле.

– Грег Динович хотел переподписать договор по льготе на провизию белых земель, для этого нужны обе стороны. Я здесь. – враньё отскакивало от зубов с поразительной правдоподобностью. *Спасибо Иве Тальевой за это.* – У меня нет разрешения о долгосрочном пребывании на тёмной земле, потому, давайте не будем нарушать законы.

Кэтэрин двинулась к двери, а секретарша, соображая как поступить, бросилась к телефону.

– Сначала я предупрежу. – пролепетала она, но посетительница уже скрылась за дверьми начальника.

Кэтэрин, проводя разведку этажей госдумы, не обнаружила ни одного Скверношопота, потому, придётся действовать в одиночку и по наитию.

– Что вам нужно? Как вы вообще сюда попали? – Грег Динович явно не сюсюкался с отбросами общества.

– Я Кэтэрин Вэйс, мистер, житель одного из ледников, приехала к вам с предложением.

– Вера, – чиновник Вересача отжал кнопку селектора, – вызови охрану.

– Грег Динович, в ваших же интересах провести со мной конструктивный диалог.

Он взглянул на Кэтэрин, после опустил взгляд на её клыки.

– А иначе, что, сожрёшь меня?

– Люди, которых вы вначале лишили обеспечения, позже и льгот, бунтуют из-за голода, холода и потери близких. Вероятно, если не прекратить проверки на прочность, исключить подобную для вас участь нельзя.

– Эти дикари сюда не доберутся.

– Я же добралась.

Карие глаза, под цвет делового костюма мужчины, сощурились.

– Зачем ты здесь?

– Подпишите договор на льготу в размере 65%, – Кэтэрин решила идти ва-банк, – тогда люди с белых земель ещё долго не будут вас беспокоить.

– Мне от них и сейчас ни горячо, ни холодно. – скрестил он руки на груди.

– Это пока. – угрожая, Кэтэрин услышала поспешные шаги за дверью, быстро подхватила гостевое кресло Грега и подпёрла им ручку.

– Я без труда сдвину мебель, сюда ворвётся моя охрана и вышвырнет тебя из думы. После я предложу реформу об оттиснении близлежащих ледников от социально здоровых жителей. Стоним вас в самые снежные глубины.

Ручка двери нервно задёргалась, бугаи, смекнув, что начальник взят в заложники, приложились плечом. Кресло, установленное на две ножки, удачно выдержало атаку, *но надолго ли его хватит?*

– Рискни. – Кэтэрин нарочито широко оголила клыки.

Грег поёжился, ему была противна наглая девица и её фриковый внешний вид.

– Зачем тебе документ о льготе, если мы всё равно бросили вас инвестировать?

– Это тоже временное событие, – угрожающе улыбнулась Кэтэрин, когда за стеной раздались щелчки предохранителей пистолетов. – Щиты мы способны заработать самостоятельно, – Грег ухмыльнулся, – а вот стоимость на консервацию и сухпайки баснословно завышена.

В дверь снова прилетело чьим-то крепким плечом.

– Документ. – напомнила Кэтэрин чиновнику и шагнула в его сторону.

– Я не стану вам потакать... – стал он отнекиваться, пятясь назад к окну.

Внезапно за его спиной пошла рябь, из воздуха эпично появился рослый мужчина.

От подобных фокусов передёрнуло не только Грег, Кэтэрин остановилась, руки сжались в кулаки.

– Кэтэрин Вэйс? – обратился к ней незнакомец.

Девушка кивнула.

– Гэр Скверношопот Оман Хен. Мне пришла разнарядка с заданием помочь тебе. Что я должен сделать?

У Кэтэрин приоткрылся рот, а глаза округлились, как их гербные монеты.

– Кто отправил тебя на такое задание? – позади вновь приложились об дверь, кресло на сантиметры отъехало. Кэтэрин не обернулась, но любопытство как рукой сняло.

– Ты можешь их успокоить? – вежливо она обратилась к Оману.

– Без проблем.

Скверношопот подошёл к двери и зашептал, быстро, но с разной интонацией. Суета за стеной тут же прекратилась и воцарилась тишина. Ошарашенный Грег вжался в подоконник, решая как быть. Оставаться и подчиниться или разбиться в тротуарную лепешку на улице. Девчонка с клыками не производила такого впечатления, как мужчина с фиолетовыми волосами, в куртке с острыми клёпками, драных джинсах и громоздких военных ботинках.

– Всё. – уверенно повернулся Оман. – Парни с кобурой предполагают, что шеф развлекается с любовницей. Косяк. Замешкался на выборе, с какой именно из его двух он тут заперся. – Оман взглянул на хозяина кабинета. – Остановился на горячей блондинке, надеюсь, ты не против.

Грег, похоже, лишился чувств, закатывая глаза.

– Ещё что-то, Кэтэрин Вэйс?

Ей было не по себе от происходящего, но раз сейчас так везло, не время скромничать.

– Заставь этого человека, – она кивнула на трясущегося у штор чиновника, – подписать бессрочный договор на льготу в 65% на все виды услуг, предоставленных поселениям ледников.

Оман резво повернулся к Грегу.

– Заставить не могу, – тихо, чтобы слышала только Кэтэрин, предупредил он, – но поселю навязчивую идею. Парни за дверью, кстати, тоже недолго будто терзаться сомнениями, так что поспешим.

Кэтэрин бросилась к ноутбуку Грегa распечатать документ. Оман, не отставая, завладел его карими глазами и зашептал назойливым комаром. Внося изменения в бланки, Кэтэрин так и порывалась отогнать несуществующее насекомое от собственного уха.

– Я всё. – из принтера она вытащила тёплые листы с будущей надеждой на мир для ледников. У двери завопили, охрана решила проверить как проходят любовные похождения босса. В борьбе с наваждением Омана в их головах не вязалось одно — вызов начальника. Гэр Скверношопот вспотел, от несмолкаемого шёпота губы пересохла и, казалось, скоро начнут трескаться. Но тут в глазах Грегa блеснула искра сопереживания, сочувствия. Оттолкнувшись от подоконника, в полной решимости он бросился к шариковой ручке и листам. Размашистым почерком чиновник гордо подписывал документ в каждой необходимой Кэтэрин графе.

– Спасибо! – сказала она Оману. – Память...

– Уже работаю. – перебил он её в момент, когда кресло вылетело из под ручки и отскочило в стену.

Они переглянулись.

– Если вдруг ты не первоклассный боец, Кэтэрин Вэйс, предлагаю смыться отсюда. – Оман быстро протянул ей руку.

Мнения о себе Кэтэрин не меняла - *она никто и ничто, какая там первоклассность*. Не теряя драгоценных секунд, девушка коснулась тёплой ладони Скверношопота, и мир завихрился в карусели вверх ногами. Цвета расплылись в линии, пространство сошлось тягучей суб-

станцией, а внутренние органы, окоченев, перестали работать. Отдёргнул ладонь Оман только когда почувствовал устойчивую почву под ногами. Мир в глазах Кэтэрин стал замедлять вращение, всё же её шатало, а к горлу подкатывал приступ рвоты.

– Для первого перемещения ты отлично держишься. – подбодрил её Оман, на всякий случай отходя подальше. – Многих выворачивало ещё в процессе.

Кэтэрин заставила дезориентированное тело подпрыгнуть, следом согнуться пополам и заземлиться. В висках стучала кровь, под рёбрами бешено билось сердце, а пульс, кажется, матерился на неё за то, что их отключали. Но все сбои организма были нипочём, в руках она крепко сжимала заветный договор.

Получилось...у них всё получилось.

Мутным взглядом Кэтэрин оглядела раскачивающегося Омана, язык заплетался, но она спросила:

– Кто отправил тебя ко мне на задание?

– Директор Стэного. – спокойно бросил он и исчез.

Пятая глава

- Почему в мире нет ничего

идеального?

- Чтобы был рост.

- Объясни.

- Даже в лучших плодах есть косточки.

(Гэр Жизнедар Тутэо и Гэр Скверношопот Домьен Мозым)

– Ого! – не сдержала Кэтэрин восхищения, глядя на десяток фур, груженных до краёв. К машинам вместе с провизией крепились письменные обращения к вождям крупных поселений. Но даже те грамотно составленные тексты, коими занимался Ортур, не так впечатлили Кэтэрин, как ледовый склад, что Карсонцы возвели всего за трое суток её отсутствия. Тигрицу встречало едва ли не всё поселение, их нынешний настрой разительно отличался от того, когда они виделись в последний раз.

– Вы явно верили в успех миссии. – посмотрела девушка на постройку, что тянулась вдоль обжитых на Вивале гор.

– Конечно, на неё же ты отправлялась. – Ортур крепко обнял сестру. – Как всё прошло... дома. – спросил парень, не представляя что ощутил бы, окажись сам в умолкших родных стенах.

Однозначно к лучшему, что сестра нашла силы продать двухэтажный склеп их памяти.

– Гладко. – бледно улыбнулась ему Кэтэрин, оставляя подробности при себе.

Лука, что стоял рядом с Ортуром, недоверчиво изогнул бровь.

– Показать тебе как мы там устроились? – брату не терпелось похвалиться. Стеллажи и камеры хранения на складе были его задумкой.

– Конечно. – кивнула Кэтэрин, хотя на самом деле первым хотелось навестить Рэма и Ликию.

– Как дети? – обратилась она к гэру, когда Ортур с Терезой, взявшись за руки, повели её к воротам.

– С возвращением. – приветствовала её толпа.

– Саблезубая тигрица дома. – радовался Ылгу.

– Девочка, я даже не знаю как тебя благодарить за всё, что ты для нас сделала. – отделившись от своего народа, Палантей прижал кулак к груди и присоединился к Луке с Кэтэрин.

– Я поступила по человечески. – тихо ответила она ему.

Гэр опять задрал бровь.

– Нет, тигрица, по человечески – довольно смазанное выражение. Один человек добр и стремится помогать, другой озлоблен и несёт вред. Всё же, что один, что другой являются людьми. Ты – веяние неба, наш дар, посланница судьбы. – вождь закинул ей руку на плечо и обнял.

Лука, завидев скорчившуюся гримасу Кэтэрин, еле сдержался, чтобы не прыснуть со смеху. Она огрела его громом из пасмурных глаз.

– Дети в порядке. – шёпотом бросил он ей, успокаивая.

Ортур с Карсонцами, конечно, постарались на славу. Огромный склад был разделён на 7 ангаров, в каждый из которых могла спокойно въехать фура для погрузки и выгрузки. На стенах сверкали ледяные полки, квадратные кубы льда послужили перегородками и сейфами для особо ценных вещей. Допсектор оставили под “оружейную”. Дунай, Хрух и Стельвия трудились там над воссозданием стрел, точно таких, с какими атаковали народ Глома.

– Невероятно. – восхитилась Кэтэрин на сей раз не складом, а тренировочными площадками, что соорудил Лука за уличной кухней, тоже с помощью местных жителей. – На Вивале найдётся мастер любого ремесла. – заметила Кэтэрин, толкая кулаком ворг, набитый снегом. – Как, кстати, руки, привыкшие созидать, справляются с необходимостью ломать?

Обратившись к Луке, Кэтэрин продолжила разглядывать ледовые мишени, препятствия из спрессованного снега и турники, что опасно поблёскивали сосульками.

– При должном обучении привыкнуть разделять белое от чёрного. Карсонцы трудолюбивый народ.

– Удивительный вывод поздника, учитывая, что во льды стоняют сугубо бесполезное отребье.

Лука воздержался от комментария, но предложил проводить к квартире, где поселили детей. Гэр видел, как скачет её настроение, и ему это очень не нравилось.

– Что тебя беспокоит? – прямо спросил он, но Кэтэрин лишь хмыкнула. – Не взваливай груз ответственности на свои плечи, ты не обязана...

– В отличие от тебя, да? – вспылила она.

Лука нахмурился.

– Прости. Я не должна была.

– Не должна, – гэр согласно кивнул, – не должна думать и рассчитывать только на себя одну. – Кэтэрин обомлела. – Не гонись за одиночеством, – продолжил он, – в его клоаках нет ничего хорошего, уж поверь мне.

Пасмурные глаза внимательно вглядывались в сливовые, в них крупными каплями уже плескалось вино.

Лука не понаслышке знал что такое отшельничество, но и она тоже.

– Мне... – ей вдруг захотелось высказаться, но предыдущий неудачный опыт откровений с мужчиной мигом развеял наиглупейшую, проскользнувшую мысль.

Да и дверь, у которой они остановились, сигнализировала о прибытии.

– Понимаю, так сразу у нас не выйдет. – Лука наклонился к Кэтэрин, обдавая ароматом елового глинтвейна, и взял за руки. – Но я готов ждать.

Раньше подобные обещания наверняка вызвали бы в ней волнения или трепет, но не теперь. Несколько месяцев назад, не доверяя больше чемоданам с задворок разума, она выкопала яму два на два. Нора помогала ей исчезнуть, спрятаться, залечь на дно — хотя бы на мгновение. Не раздумывая, Кэтэрин прямо сейчас шагнула в личную глубину. Необходимо сокрыть расшатанную натуру и разобраться, какие из чувств в ней остались и хочет ли она их испытывать.

– Лука! – занавеска, служащая общей дверью распахнулась, из тамбура выскочил Рэм, а за ним и Ликия. Девчушка с золотыми кудрями по-прежнему оставалась в повязке на голове, но выглядела куда лучше и бодро передвигалась. Дети тепло обняли гэра. Настала очередь бровей Кэтэрин взлетать. От её реакции шрам Луки растянулся, оголяя белоснежные клыки. Гэр присел стиснуть крепче ребят и взглянул на Кэтэрин:

– Если нужны подробности, могу поведать несколько забавных историй вечером, за ужином в лесу. – Лука перевёл взгляд с девушки на детей продолжая. – А пока у нас другие планы, верно сладкоежки?

Дети весело закивали.

Гэр Последневздох взял их за руки и, повернув к общей кухне, пошёл не спеша, хрустя снегом.

– У нас на обед сладкая вата, – крикнул он Кэтэрин не оборачиваясь, – можешь присоединиться.

Кэтэрин и не подумав вклиниваться в их идиллию, осталась стоять на месте и взглядом провожать гэра и двоих детей. Выглядел Лука сверх мило, но она умиления не почувствовала. *Что с ней?* Смерть Мафы её сломала или что-то другое?

До вечера Кэтэрин помогала распределять провизию и настраивать координаты локаций соседних поселений в снегоходах. Благодаря снежному транспорту, отныне вожди беспрепятственно смогут обмениваться новостями и заметками. Недешёвый аппарат и стал первой просьбой Кэтэрин к Бэджу. Вторым она его попросила раздобыть погружные сети и жирную прикормку. Две рыбацкие установки обошлись аж в 50 000 щитов. Но если жители ледников преуспеют в добыче океанской рыбы, они смогут приобрести подобное оборудование и для других селений спустя какие то недели торговли экзотическим водным мясом. Стельвия, дочь Танталеона, оказалась просто гением в изобретениях. За время отсутствия Кэтэрин девушка усовершенствовала наконечник стрел, раздробив трубчатые кости в мелкую крошку. Тем самым она обрекла противника, пережившего выстрел, на вечную боль в сражённых мышцах и сухожилиях. Эта идея Кэтэрин не понравилась, а вот доработка с погружными сетями, напротив, очень даже порадовала. Стельвия придумала повесить блестящие бусины через каждые 10 сантиметров сетки, а в центре расположить мерцающий огонёк. Рыбу привлекает сияние и игра света, что появляется на бусинах вне зависимости от солнцестояния. Охваченная скопом письменных дел, Кэтэрин не заметила, как на складе появился Лука.

– Когда ты ела? – парень снял с вешалки шапку и шарф Кэтэрин. – На сегодня хватит дел, пойдём, подышим воздухом.

– Мне немного осталось. – еле сдержала она зевок.

Гэр скептически посмотрел на стол, заваленный картами, листами и бланками, что вожди непрерывно присылали со списками необходимых им вещей. Выражение лица стало суровым.

– У тебя 3 секунды застегнуть куртку и пойти со мной. Иначе я закину тебя на плечо и выволоку отсюда силой.

Кэтэрин открыла было рот возмутиться, но когда ей на голову натянули шапку, а на горло повязали шарф, разумно закрыла.

– Тебя ждёт судак под клюквенным соусом. – довольный маленькой победой промурлыкал гэр.

– Поймали рыбу? – удивлённо вскрикнула она, подскакивая со стула, спотыкаясь и едва не падая на пол. *Ноги затекли сидеть в одном положении.*

Лука словил её за талию и притянул к себе.

– Да, малышка, столько, что в охапку не поместиться. – его глаза блеснули озорством.

– Что же ты молчал? – Кэтэрин не выдержала и приулыбнулась в ответ.

– Как ты прекрасна! – выдохнул он взглянув на зубы, что показались за зимней малиной. По спине Кэтэрин пробежали мурашки, улыбка тут же сошла с лица.

Она урод.

– Не стоит скрывать неземную красоту. – Лука нарочно приоткрыл рот демонстрируя ей свои клыки. – Но если длинные зубы сильно тебя смущают, я покажу как их прятать.

Кэтэрин напряглась, то же самое ей обещал Вэ. Под рёбрами образовалось жжение. Нет, она не позволит сердцу опять болеть.

– Где выдался улов? – голос Кэтэрин резко стал деловитым, но Лука не подал виду её перемене и ответил ласково:

– Здесь, рядом. Карсонцами даже не придётся покидать Вивал для поисков рыбных мест. Кэтэрин кивнула и, наконец, отстранилась от Луки чтобы натянуть варежки.

– Тогда переходим к иного рода действиям.

Дни Карсонцев завертелись калейдоскопом событий. Палантей с Кулавой, а иногда и Ылгу с Танталеоном разъезжали на снегоходах по ближайшим поселениям, предлагая уже не только объединение и провизию, но и работу. Вожди согласных ледников пребывали на подпи-

сание договоров, прихватывая с собой часть обещанного продовольствия. Несогласные вожди, желающие держать власть в собственных кулаках, а не скакать под дудку Палантея, опрометчиво пытались напасть и разорить Вивал. Гапей в середине августа отказался от мирного договора, отходя в число противников, но, что и следовало ожидать, сдался до начала боя. Кэтэрин, которую, как ходили слухи, не сразить ни копьём, ни мечом, и её волк, габаритами под авто” Газель”, навевали страх и держали в тонусе многие ледники. Молва, словно щебет килитии – птицы лёдоежки – гуляла меж снежных гор и дыма костров заседающих советов. Вскоре люди сами пошли к ним с надеждой на защиту и кров. Поселение Карсонцев росло, как и их армия. День Лука позволял себе дышать в лесах Дэверго, а утром и вечером тренировал новоиспечённых солдат. Кэтэрин заменяла его в те обеденные часы, доверяя Терезе заканчивать производственные отчёты и сметы. Торговля рыбой процветала, чиновники приграничных городов удивлялись находчивости отбросов общества и не препятствовали их работе с местными рынками. Оптовики, приезжая за свежим уловом, конечно, платили меньше, нежели розница, однако, благодаря их масштабной закупке и Мене, что вновь прислала щиты, Карсонцы сумели докупить ещё два рыбацких оборудования и увеличить количество добычи. Лука, уходя в зеркало, иногда брал с собой Ортура, их странная тяга друг к другу импонировала Кэтэрин. Брат, общаясь с гэрмом, внимал каждому его слову открыв рот. Ночи Лука соглашался проводить только с Кэтэрин. Они либо тренировали её выдержку, что позволяла держать клыки в нормальном размере, либо поливали голову Кэтэрин холодной водой, чтобы воссоздать железобетонный блок против чужого влияния и за редким гуляли по лесу и сажали зелень. Когда виноград, что вырос в подвале Луки, стал под цвет его глаз, они затеяли печь кексы у него в хижине. Испачкавшись в муке они не злились из-за грязной одежды, а напротив, дорисовывали детали к своим причудливым белым следам. Лука специально измазал нос Кэтэрин, чтобы, сдувая муку, шевелить упавший ей на лоб серебряный локон и щекотать тем самым лицо. Вечером, после обязательной тренировки, они раздали кексы, предварительно украсив их пломбирным кремом. Дети закрывали глаза от удовольствия, взрослые постанывали от сочетания сливок с бисквитом и виноградом.

Кэтэрин, глядя на счастливых Вивальцев, почувствовала прилив радости в груди. Их немая благодарность, как микстура, стала наполнять её трещинки и пустоты, вызывая не бояться жить.

– Сегодня догонишь меня, тигрица? – подтрунил Лука подходя к ней после раздачи сладкого ужина.

И не ожидая положительного ответа, гэр сбросил человеческое обличье, оброс шерстью и широкой поступью рванул к снежным барханам.

– Вот и сходили за водой. – вдогонку ему буркнула Кэтэрин и, оставив коромысло нетронутым, ринулась вслед за золотым волком.

Ноги увязли в снегу, но она научилась поднимать их выше. Подошва скользила на протоптанных дорожках, но Кэтэрин приноровилась использовать энергию для ускорения. Раскрасневшись и вспотев, она и не заметила, как добежала до одиноко стоящей скалы Вивала. Ледовая гора оповещала о границе, о свободных землях, что простирались за ней ещё на километры вперёд. Странно, что Луки, который явно прибежал первым, нигде не было видно. Ведь негласно скала являлась финишем. Точнее, она стала им после того, как они однажды, выискивая по стрёкоту серебрянок – насекомых с ядовитыми лапками – наткнулись на снежное величие. Сейчас же всё было как обычно, за исключением того, что в самой горе горел свет. *Неужели кто-то рискнул обжечь скалу так далеко от обычных поселений?* Кэтэрин с бега перешла на шаг и направилась к едва различимому узорчатому входу. Не успела она коснуться высеченной под сосульку ручки, как в плечо ей прилетел снежок. Застигнутая врасплох, она резко обернулась, готовая к атаке, но неподалёку показался босой и в одних белых штанах

Лука. Его широкая улыбка донельзя растянула шрам, а ладонь уже поигрывала очередным снежком.

– Там кто-то есть. – строго шикнула Кэтэрин, кивая на скалу. Лука, как ребёнок, склонил голову на бок. – Нам следует пригласить их на Вивал, – продолжила Кэтэрин, – с нами им будет безопаснее.

– Успеем. – ухмыльнулся Лука. – Мы же уже здесь, закончим – постучим.

Снежок из его рук полетел ей точно в бедро и тут же он наклонился скатать себе следующий.

– Ах ты... – Кэтэрин бросилась лепить ком потвёрже, но ей в ягодицу раньше успел прилететь свеженький снежок.

Её глаза округлились и потемнели обещая ледовое побоище. Быстро загребая снег, она атаковала и спряталась за неровностями горы. Лука появлялся то тут, то там с новыми снежками. Предугадав, куда он теперь отправится за пополнением снежных припасов, – *около скалы они всё вытоптали*, – Кэтэрин выпрыгнула на парня следом за пущенным снежком. Лука от снежного кома увернулся, а от Кэтэрин не стал, она сбила его с ног, повалив на снег и сама упала сверху. В руке, подражая мерцанию звёзд, блеснул запасной снежок. Оттопырив резинку штанов Луки, она юрко отправила снег остужать разгорячённую кожу. Гэр вскрикнул и завертелся, как уж на сковороде. Из-за его брыканий Кэтэрин слетела в сугроб и... рассмеялась. Звонко, искренне, неистово, живо...как умела раньше, ещё несколько месяцев назад. Лука замер, внезапно снег в штанах и под спиной стал пустяковым неудобством. Девушка с ликом, что вдохновенно создавал сам Покровитель, влияла на него точно полная луна. Кэтэрин была способна за секунду вывести его из себя, а уже в другую – желать боготворить её и перевозносить к небесам. Теперь же она смеялась, из-за НЕГО. Лука приподнялся на локтях, растянулся в улыбке и залюбовался ею. Кэтэрин уже держалась за живот, серебряные волосы липли к вспотевшему лбу, клыки вытянулись за пределы губ, а розовые щёки покрывала россыпь снежинок.

– Прекрасна. – случайно вслух проговорил Лука.

Девушка, издав последний смешок, замолчала, но улыбку на сей раз не спрятала.

Лука вскочил на ноги подать ей руку. Кэтэрин приняла помощь, его прикосновения вызвали на коже покалывания. Последним, кто касался её оголённой кожи, был Валет.

Кэтэрин и Лука тяжело дышали, губы их были приоткрыты, а пасмурные глаза пересеклись со сливовыми.

– У меня для тебя сюрприз. – еловое дыхание с корицей обдало её вытянувшиеся клыки.

Кэтэрин передёрнуло, но не из-за неприятных чувств, а скорее из-за неожиданности. Во рту проявился привкус апельсиновых долек с мёдом и красным перцем. *Что значил этот вкус – одному Покровителю было известно.*

Но Кэтэрин ощутила, как внутри тронулся лёд.

– Когда ты для него нашёл время, мы же практически всё время вместе? – к её щекам внезапно подступала краска.

Забавно, ведь Кэтэрин считала, что разучилась смущаться и менять свой цвет серого.

– О, ты даже не представляешь на что я способен ради тебя, Кэтэрин Вэйс.

– Лука...

– Не надо. Взамен я ничего не прошу. – как джентльмен, он выставил локоть, приглашая леди следовать подле него. Кэтэрин заставила себя прикусить язык, чтобы не ляпнуть чего лишнего и, обхватив предложенный локоть, пошла с ним.

Лука подвёл Кэтэрин к двери, что сам минуты назад помешал открыть.

– Входи. – толкнул гэр дверь, пропуская её в ледовое роскошное царство. – Теперь у тебя есть собственный дом, Кэтэрин. – Лука говорил серьёзно, а его взгляд жадно поглощал девичье изумление. – И если пожелаешь, я стану строить их в каждом городе, куда только ступит твоя нога.

Шестая глава

*Странно, одна религия запрещает
музыку при трауре, другая, дабы
скорее излечить скорбящую душу,
приветствует. Кажется, это должно
быть делом каждого. Если не
хочется рассыпаться на крошки
скорби и отчаяния...танцуй, пой, или
слушай музыку. Делай всё, чтобы спасти остатки своего
разбитого сердца.
(Гэр Стукач Мелоди Дэлевирилиас)*

– Ты можешь поселиться здесь вместе с Рэмом и Ликийей. Хватит вам ютиться в однокомнатной квартире втроём на полуторной кровати.

Лука рассуждал, оставаясь в пороге и держа ледяную глыбу, служащую дверью. Казалось, Кэтэрин вот-вот психонёт и решит немедленно выйти отсюда, но она, открыв рот, поражённо озиралась в огромном доме. В скале такого масштаба Карсонцы обычно выдалбливали 5, а то и 6 квартир на одном только нижнем этаже. Здесь же Лука возвёл трёхэтажный ледовый замок. Люстра из сотни сосул висела в самом центре холла, освещая световыми бликами двойную лестницу, ведущую на этажи выше. Вдоль дугообразных перил стояли ледяные кресла с объёмными белыми подушками, они окружали сервированный круглый стол. Слева от холла-столовой располагалась обширная ледяная кухня с деревянными столешницами и хрустальный посудой. На полу в хаотичном порядке стояли прозрачные кашпо с пихтами и кипарисами. Деревья в доме выглядели невероятно эффектно и живо. Иные растения, приемлющие холод располагались в спальнях, обширной гостиной и в коридорах. Противоположную сторону дома Лука превратил в развлекательное крыло. Личный каток, кинотеатр из снежного экрана и ледовый боулинг.

– Как ты сумел? – прибывая в шоке, Кэтэрин едва ворочала языком. – Такое годами строят.

Лука улыбнулся растягивая шрам.

– Есть у меня парочка знакомых силистов, что для твоего комфорта сумели терпеть несколько часов степенного удушья и холода.

– Валалия... – сразу предположила Кэтэрин.

– И Тризина. – кивнул Лука. – Блондинка топила лёд, а Валалия его замораживала в нужные интерьеру формы. Тебе нравится?

Кэтэрин, потрясённая происходящим, обернулась к нему с сияющими глазами. На языке крутилось многое — мат, восхищение, благодарность. Розовые щёки стали краснеть, а в носу пощипывать.

– Здесь великолепно. – залепетала она. – Но...

Лука догадывался, что будет “но”, потому, понунив голову прикрыл глаза и взъерошил волосы.

– Детям далеко сюда ходить от Вивала.

Гэр вздохнул с облегчением. Главное, это не категоричный отказ принимать его подарок.

– Пойдём. – Лука взял девушку за руку, переплёл с ней пальцы и повёл на улицу. Ладонь Кэтэрин будто жгло огнём, в мысли ворвались вспоминая о Вэ и его письме. Зачем только она читала ту проклятую бумажку, письмо сеяло в ней сомнения. Кэтэрин в самом деле обзавелась мыслью — что если вернуться в зазеркалье? Особенно навязчивой стала идея, когда

пару недель назад Бэдж привёз на Вивал разъярённую Лену и остальных друзей из её компании. Возвращение к обязанным никак не было связано с побегом Кэтэрин от упрёков из-за её пропажи, причиной были события, что развивались на сухой земле. Мише, скорее всего, придётся оставить университет с кафедрой археологии и перевестись в академию Служивых. Дом его соседки ограбили ещё в начале лета. Женщину, как свидетельницу преступления, хладнокровно убили и бросили на крыльце, не скрывая жестокости, которой она подверглась. На парня это произвело сильное впечатление. Ночью он толком не спал, ожидая нападения и на их дом, а днём переживал за беззащитную мать, не позволяя себе сосредоточиться на учёбе. Лена закончила университет с белым дипломом, потому уже стажировалась в Окмане на журналиста. В их предприятии есть региональный новостной канал, и его эфир пестрил террорами, забастовками и насилием.

Преступность растёт. Гэры явно не справляются. Но несмотря на печальные выводы, к коим пришла Кэтэрин, она была очень рада видеть друзей. Хотя, судя по их осуждающим взглядам, они так не считали. Уезжая, Тияна тихонько шепнула на ухо, что Вивал не идёт подружке на пользу — Кэтэрин по её мнению тут совсем не улыбалась.

“Милая Тияна, дело не во льдах.” — подумала Кэтэрин, попутно радуясь, что совладала с движением клыков. Кто знает куда б занесло фантазию нежной незабудки Тияны, увидь она на лице подружки ещё и звериный оскал. Гироу же рьяней остальных настаивал, чтобы Кэтэрин вернулась домой. Переживания последних месяцев стоили ему седых волос, а он в свои 23 года не готов был мириться с “увядшим” ирокезом. *Голубым глазам идёт блонд, а не серость.*

— Не дуйся Кэт, тебе и с серебром неплохо. — спустя 10 минут жалоб на волосы, опомнился он.

Кэтэрин не обижалась на Гироу и не осуждала друзей за их волнение, но и объясниться с ними она не могла. Её хмурость от разбитого сердца, а не от пасмурного Вивала. Дом в Вересаче продан безвозвратно, *да и стены разве были домом?* Нет. *Её пристанищем была Мафа Лутас.* Та Кэтэрин, что помнилась им, исчезла в водовороте жизни. Та девушка не справилась бы с перипетиями, что неустанно подкидывает ей судьба и с той болью, на которую обрёл её смерть.

Прощаясь с ребятами, Кэтэрин представила, что отпускает их, как и прошлую жизнь. Где теперь её место — предстоит выяснить, но пока она в предвкушении хрустела остатками взъерошенного снега под ногами.

Обойдя скалу, Лука остановился возле очередной ледяной двери. Не выпуская ладони Кэтэрин, легко сдвинул глыбу плечом. В небольшом помещении с полупрозрачными стенами посередине комнаты стоял перемотанный необъятным серебряным бантом снегоход.

— Ты сума сошёл? — Кэтэрин видела в отчётах бухгалтерии стоимость данного транспорта.

— Могу себе позволить. — довольно бросил Лука и повернулся к ней переплести пальцы и второй руки. Сливовые глаза с нежностью смотрели на Кэтэрин, она слышала как громко бьётся его сердце.

— Ты изумительная девушка, малышка, невозможно перестать тобой восхищаться...

Малышка и маленькая, разве не одно и то же? Мысли Кэтэрин резонировали, в памяти всплыл образ Вэ. Его властный, но спокойный голос и её прозвище, звенящее на его устах.

Блядь, чёртово письмо.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. — продолжал Лука, не замечая, как думы Кэтэрин всё дальше ускользают от него. — тебя тянет на Вивал, возможно, от того, что душе здесь спокойней. Раз так, пусть будет комфортно и телу. Я заметил как ты сторонись тесного общения, стараешься после тренировок скорее отгородиться в складах, топишь себя бумажной работой, хватаясь за минуты уединения. И честно мне понятны такие чувства, порой я их даже разделяю. Для того выбрал здешнюю скалу твоим прибежищем. Ну ещё потому, что скоро повторится небесное сияние. Прошлый раз тебе, вроде, понравился танец розовых искр.

– Очень... – голос дрогнул, если начало его слов она пропустила мимо ушей, то серьёзное выражение лица и пыл, с которым он уговаривал принять подарок, рванули цепи, охраняющие глубины её души.

В глазах поплыло, а в горле пересохло.

Лука всегда верно подмечал её состояние, но никогда грубо в него не вмешивался, гэр позволял ей самой размеренно во всём разобраться.

– Я рад. – белый шрам расчертил нижнюю губу, Кэтэрин ненароком опустила на него взгляд.

Лука напрягся, изо рта соскользнул пар, а сердце вновь зашлось громким стуком. Воздух накалился, он потянул девушку к себе и поцеловал. Горячие губы соприкоснулись с твёрдыми клыками и мягкой зимней малиной. Не желая останавливаться, Лука углубил поцелуй, язык ощутил сладость ягод и морскую соль. Она вздрогнула. Ласки клыков очень интимный жест. Разум и глупый орган под рёбрами требовали отстраниться. Тело же, изголодавшись по прикосновениям и теплу, что позволяет забыть о тревогах и печалях, умоляло остаться в его объятиях. Кэтэрин закрыла глаза и ответила на поцелуй, *в конце концов они оба его заслужили*. Лука воспарил от её взаимности. Ладони расцепились он приобнял Кэтэрин одной рукой, второй обхватил тонкую шею зарываясь в седых волосах. Чувственные движения губ наполнили трепетом, языки, сплетаясь, признавали, что скучали. Дыхание сбилось у обоих. Лука почувствовал, как глаза темнеют, а лавовые прожилки жгут веки, но Кэтэрин знает кто он... больше ему не нужно скрываться, не нужно убегать. Поцелуй стал настойчивее. Он ласкал её рот, как драгоценность, как святость, как обещание. Руки гладили девичью спину и волосы. Желание, что давно рвало душу, а иногда и брюки (тогда приходилось уединяться в воспоминаниях о их прелюдиях в Дэверго) заставило вытянуться и его клыки. Поцелуй прервался стуком острых зубов друг об друга. Кэтэрин тут же отстранилась. Лука улыбнулся и с тяжёлым дыханием приник к её лбу своим.

– С тобой я воспаляюсь, малышка.

Хотелось бы ей ответить тем же, но, невзирая на то, что их поцелуй был прекрасен, он был другим. *Неправильным* — кричало нутро. Укол предательства заставил сжаться грудь, *но с какой стати?* Между ними с Вэ всё кончено. Валет сам подвёл к этому, забрав бабушку. Чтобы прогнать непрощенные мысли и чувство вины, Кэтэрин, встав на носочки, нарочно прильнула к губам гэра. Трение клыков оказалось иным видом истомы, застонали оба. Между ног увлажнилось, низ живота отяжелел, вот это точно перебор. Кэтэрин опять отстранилась. Угольные глаза взглянули на неё с вожделением, а кожа гэра покрылась мурашками. Но Лука взял себя в руки и крепко зажмурился, спустя секунды к нему вернулись винные зрачки с остатками тьмы животного.

– Я готов ждать малышка. – выдохнул он, облизывая губу. – Столько, сколько тебе потребуется.

– Хорошо. – зачем-то согласилась она. – Спасибо.

Лука просиял.

– Но... прекрати называть меня малышкой. – подумав, закончила она.

Подобная просьба казалась официальным отречением от всего, что прежде связывало её с Вэ. Хотелось бы ей так думать, но Валет не желал, чтобы она его забывала.

Пожинав в новом доме, Кэтэрин и Лука вернулись на Вивал. Первым делом они заглянули к детям. Девушка, вернувшись с Вересача, сразу же взяла их под свою опеку и обрадовала новостью о переезде в угоды принцессы. *Рэм ради Ликии жил бы и в единороге*. Лука остался помогать детям собирать одежду, игрушки и всё необходимое, а Кэтэрин отправилась в дом Палантея за вещами, что прежде не помещались в их однокомнатную квартиру.

– Ортур наверняка обрадуется всецелому присвоению комнаты. – вслух думала Кэтэрин почти улыбаясь.

Похоже, Лука запустил в ней какие-то восстановительные процессы.

– Теперь им с Терезой будет где уединиться. – продолжала думать она, припоминая, как недавно наткнулась на целующуюся парочку в кладовке. Размышления прервал внезапно возникший шелест и... насыщенный запах карамели. Кэтэрин тут же напряглась и обернулась. В комнате кроме неё никого не было, а на тумбе появился серый конверт. Первым порывом было разорвать письмо, не читать, позволить себе забыть, но kloкочущая боль тоски в стенаниях царапала внутренности. Рука по наитию потянулась к конверту, пальцы сорвали корешок.

“Сегодня мы увидимся. Твой В.”

Краткое, но такое весомое послание вызвало в руках дрожь. Кэтэрин подняла глаза к настенному календарю – 24 августа, её день рождения. Брат ещё с утра подарил ей фигурку волка, вырезанного из опала. Однажды, отправляясь в запланированную экспедицию, Ортур обнаружил пещеру с природным камнем среди льдов. Теперь добыча полудрагоценного минерала стала дополнительным ремеслом для поселения. Опал приносил больше щитов, чем лов рыбы. Хотела бы Кэтэрин подумать, что судьба, наконец, благоволит им, но увы, единственное, что ассоциировалось с Велией, это кровь, которую она с наслаждением пустила бы директрисе при первой же возможности. Кэтэрин отчасти даже рассчитывала встретить злодейку, когда Карсонцы организовали пир в честь её дня рождения. Посидев с ними немного, Кэтэрин ускользнула на склад, чтобы не слушать восхваление её имени пред богинями и их любимицей Смерти. (Кэтэрин до сих пор не переубедила Вивальцев, что Смерть – мужчина, *да и зачем...?*) Лука же, обнаружив её за делами знал, что просто так она не захочет продолжать праздновать, потому выманил её тренировкой и кексами. Хитро, гэр Ситников, хитро и весьма великодушно дарить огромный особняк и тратить гэрские сбережения на снегоход, на котором они и вернулись в поселение. За руль села Кэтэрин. Таким решением Лука объяснил, что вернется ей, а она, благодаря его доверию, ощутила прилив силы и контроля, что, кажется, три месяца назад оставила на полу у стола Велии.

Гэр склеивал её по кусочкам и собранным частям стремился вернуть чувства. Она же не обязанная, не бесчувственный гэр. Сегодня Кэтэрин в этом убедилась, на толику она ощутила счастье. А теперь, видимо, Валет спешит лишить её тех крох, что она только-только в себе нащупала. Настроение упало, а злость забурилась под кожей, будоража чёрные вены на руках. Что ж, если Смерть ожидает радушной встречи, его ждёт разочарование. Кэтэрин повернулась к сундуку достать стилеты, что она прихватила из оружейной Мафы перед продажей дома. Пристегнув их к портупее на бёдрах, она выдохнула и застегнула куртку. В дверь тихонько постучали. *“Не может быть, – пронеслась мысль – так скоро?”* Пахнувший в нос аромат карамельной ваты мгновенно дал ответ. Лицо приливом обдал жар, а тело, напротив, зазнобило. Сердце, как раненая птица, зашло под рёбрами, а во рту появился вкус лугов и чистого неба. Кэтэрин даже не заметила когда вылезли клыки. Вдох носом, выдох ртом. Быстро поправив волосы, она схватилась за дверную ручку. В коридоре лубянки в кожаных брюках и чёрном кардигане на полу на одном колене стоял Валет. Крыльев за спиной не было, а голова со взъерошенными смоляными волосами смотрела в пол. В руках букет домастов. Тех самых, редких цветов, о которых однажды она ему писала. Растут они у границ ледников и сухих земель, бутоны делятся на чёрные и белые лепестки. Прежде Кэтэрин не встречала ни единого цветка, а тут целый букет.

Увидев девушку на пороге, Вэ поднял голову, белёсые глаза вспыхнули светом, едва не ослепив её.

Что это, радость от встречи или теперь она не выносит его взгляда?

– Здравствуй. – Валет смотрел на неё снизу вверх, хотя разница в росте и с такого положения оказалась малой. Кэтэрин выхватила стилет из ножен и за секунду приставила лезвие к его горлу. Вэ не отреагировал, даже когда лицо Кэтэрин исказилось яростью. Она жгла её кровь, превращая вены под глазами в тёмные молнии.

– Тебе нужно быть не здесь. – заговорил Валет.

Серьёзно? Какой прозорливый и раздражающий комментарий. Кэтэрин надавила на клинок, остриё вонзилось ему в кожу, но кровь не проступила.

Глупая, он смерть и, наверняка, сам себя не заберёт.

Открытие разозлило ещё больше.

– Нам нужно поговорить. – голос, подобный ветру и дрожи земли, разнёсся эхом по лубянке.

– Не о чем, Валет, нам разговаривать. – Кэтэрин чуть ли не рычала ему в лицо.

Но вздрогнул он не от её гнева, а от собственного имени в её устах.

– Я прошу у тебя прощения, – белёсые глаза внимательно смотрели на ту, что наполнила его сердце желанием биться, – но не стану оправдываться.

Кэтэрин нахмурилась.

– Знаю, что из всех посланных мною тебе писем прочла ты всего два. В одном из них я объяснился. Повторяй я ту же истину и сейчас, облегчения тебе это не принесёт. Потому всё, что мне остаётся, это каяться перед тобой. Прости меня, прошу... – Кэтэрин молчала, сжимая рукоять до белых костяшек. – Невыносимо быть тем, кто вынужденно разлучает любимых, забирает родных и лишает их жизни, не оставляя шансов. Но здесь я эгоистично прошу тебя дать мне шанс.

Колкости о нём и Велии уже норовили соскочить с её языка, но Валет, качнув головой, поднялся. Его высокая фигура не уместилась в комнате, потому он облокотился на стену и склонился к Кэтэрин. Стиллет сильнее вдавился ему в кожу.

– Ночь, маленькая... Кэтэрин. – вовремя исправился он, понимая, что отныне лишён права так её называть. – Удели мне эту ночь. Если с рассветом прикажешь исчезнуть, сгину, как и обещал. Но прежде, я прошу одну ночь...

– С какой стати? – оскалившись перебила она его. – Какое тебе дело до человека? Почему я должна соглашаться на твои условия?

– Не должна... – выдохнул он, склонив голову. – Я прошу...

В дверном проёме воцарилась тишина, рушимая разве, что дыханием Вэ, оно заполняло пространство сладостью и силой.

Пульс Кэтэрин бился гулом в ушах, вдребезги разбивая способность думать. Каковы причины соглашаться — *покончить с надеждами сердца*, отказаться — *пожалуй, те же*.

– Ночь, Валет, – процедила она. – а после никаких встреч и писем.

Он сжал челюсть, но кивнул.

– Жду на улице. – Вэ спокойно отодвинул от своего горла стилет, вложил ей в ту же руку букет домастов и покинул лубянку.

Кэтэрин незамедлительно откинула цветы на кровать, кровь застучала в висках, в груди горела нервная система, *какого чёрта она согласилась? Что он рассчитывает с ней делать? Снова поведёт в дорогое заведение обязанных?*

Демонстрация власти её не впечатлит.

– Ладно. – вздохнула она массируя виски. – Ночь выдержу, а утром... утром сгребу опять раскуроченное сердце и выкину ошмётки вместе с цветами.

Кэтэрин бросила недовольный взгляд на букет и, брякнув что-то нецензурное под нос, пошла искать тару, чтобы растопить для него снег.

Закончив с цветами она, вышла из лубянки, Вэ ожидал опершись спиной на стену. Завидев её, он улыбнулся. К щекам Кэтэрин прильнул румянец, но она заставила себя думать, что

это от злости, хотя, вероятно, дело не в ней, а в расписном пальто, что ей пришлось надеть, так как остальные куртки и фуфайка сохли на верёвках. Вэ тут же вспомнил в чём была Кэтэрин в прошлом году на празднике смерти. В тот день и состоялась их первая встреча, первые прикосновения и первый... поцелуй. Именно тогда он лишился привычной сдержанности, ощутил, каково это, чувствовать её, дышать ею и надеяться на взаимность.

– Куда мы пойдём? – Кэтэрин оттолкнула обуявшие и её воспоминания, но гадины занозами вцепились в сердце.

– Полетим в Вересач, оттуда в Ганай и, если успеем, посетим Девемиров.

Рот Кэтэрин приоткрылся. *Полёт?* Он предвещает прикосновения. Вэ будет трогать её бёдра и талию, а она, чтобы не упасть, прижмётся к его груди.

Какой женой она думала, соглашаясь на добровольную пытку?

Валет подошёл ближе и протянул руки.

– Позволишь? – её смятение легко читалось, потому он не спешил нарушать границы. Хотя его распирало от желания сгрести Кэтэрин в объятия и никогда не отпускать.

Девушка напряглась, но кивнула, отступать некуда. Перед выходом из лубянки она признала, что скорее всего, прощаясь утром с Вэ, душой умрёт заново.

Валет склонился и бережно поднял Кэтэрин на руки. Она тут же ощутила его мощь, запах карамели, заполняющий рецепторы и тепло.

Разве смерть – это не колкость и холод?

Валет крепко прижал её к себе и взмыл в небо. Тело изошлось дрожью, а сердце застучало, как загнанное, она вновь в его руках, рядом, но всё ж между ними пропасть, в которую Кэтэрин разумно отказалась шагать.

Чёрные крылья брали быстрые и амплитудные взмахи, грубо разрезали воздух. Здесь, на относительной высоте, огибать птиц и пики скал не было необходимости, но так Валет надеялся скрыть волнение, что не отступало из-за неё. Когда дрожащую Кэтэрин укутали в лацканы кардигана, она приказала себе закрыть глаза. Опасно смотреть на шею со вздутыми венами, волевой подбородок со щетиной длиннее, чем она помнила, и на твёрдые губы, от которых когда-то сходила сума. А ещё не хотелось запоминать полёт, невообразимую свободу неба, которая наполняла девушку, как волшебство, благодаря ему. Встрепенулась она лишь при остановке. Вэ мягко приземлился на землю и замер, не торопя мгновение, когда придётся её отпускать.

Пасмурные глаза разомкнулись, рот тоже...

– Кладбище? – недоумевая выпалила она.

Оттолкнувшись от мужской груди Кэтэрин спустилась на траву. Ладонь запылала. Тонкая водолазка Вэ не препятствовала в полной мере ощутить крепость его мышц. Именно поэтому Кэтэрин весь полёт держала руки при себе, не допуская оплошностей.

– Зачем мы здесь? – потёрла она уже явно краснеющую кожу.

– Напомнить о твоих мечтах...

Седьмая Глава

*– Замечал прежде в вазе с цветами
налёт? Как думаешь, что это?*

*– Бактерии, жёсткая вода,
разложение.*

*– Мыслишь по учебнику? А я думаю,
цветы из-за обречённости
смерти, выделяют яд, чтобы быстрее
завершить собственные муки.*

(Рассуждения Гэра Последневздоха Ромтарио)

– Моё желание умереть уже не актуально. – буркнула Кэтэрин, отступая от могил.
Вэ удивлённо нахмурил лоб.

– Тебя посещали подобного рода мысли?

– Какое дело до того? – её взбесила тревога в белёсых глазах, точно как пот, что каплями уже стекал по спине, щекоча поясницу.

В Вересаче ещё не встало солнце, а лето здесь было относительным, не то что на юге. Однако пальто было перебором. Девушка умело расстегнула пуговицы и, сняв шерстяную одежду, повесила её себе на локоть. Кожа ощутила приятную прохладу. Рубашка, пропитанная потом, прилипла к телу, демонстрируя тонкую талию и... грудь без корсажа. Кэтэрин поздно спохватилась, что не надела белья. Щёки покраснели, руки скрестились на груди. Вэ сделал вид, что не заметил, как от дуновения ветра набухли её соски и учтиво отвернулся, хотя рот наполнялся слюной.

Отводя взгляд, Валет всё же приблизился к Кэтэрин, она тут же ошетинилась, вздёрнув подбородок. Вэ поднял руку:

– Пойдём, здесь недалеко тропа. – забрав у неё пальто, Вэ забросил его себе на плечо и пошёл первым.

– Блядь. – тихо выругалась Кэтэрин ему в спину. – Какого, сука, х.. художника ты не напялила лифчик? Это на Вивале бельём считается футболка или свитер. А-а – прорычала она в голос задрав голову к утреннему небу.

Можно ли Вэ обвинить в её рассеянности? В конце концов, она и прежде из-за него нерационально мыслила.

Не задерживаясь ещё дольше, Кэтэрин двинулась обходить оградки и по темноте разглядывать довольно молодые фотографии, смотрящие на неё с надгробий.

Валет на что-то намекает?

– Пришли. – неожиданно остановился он у высокого каменного склепа.

Постройку из серого камня со всех сторон окружали лиственные деревья, сквозь разбитый бетонный порог пробивался плющ. Вэ, смахнув паутину в проходе, вошёл внутрь. Кэтэрин ничего не оставалось, как пойти следом. В склепе было сыро, солнечный свет явно не проникал сквозь стены, потому плесень, разрастаясь, крошила углы. В воздухе витал запах гнили и бальзамирования, Кэтэрин стало зябко, она обняла себя за плечи, а Валет зажёл настенный фонарь. В этом месте покоилось около двадцати пяти человек с разными фамилиями и живших в разные эпохи. Похоже, склеп принадлежал не одной семье. Маври Телу, прожила 17 лет, умерла 57 зим назад. Порет Ховье, парень девятнадцати лет, погиб 4 года назад. Каола Молесто, умерла в 11, но ещё в прошлом веке.

– Я не понимаю. – шептала Кэтэрин, продолжая вычитывать чужие имена и считать даты.
– Почему они покоятся вместе?

– Так повелось. – запросто ответил Вэ, очищая от пыли самые старые таблички склепа. – Этот мемориал возвёл Кету Форааз для своей дочери ещё 400 лет назад. Она была первой, кого здесь похоронили. – Валет приложил ладонь к нише, где лежали именно её останки.

– Жевье Форааз, умерла в 17. – быстро посчитала Кэтэрин.

– Да. Девушка была мечтательницей, изобретателем и теоретиком. С юного возраста мастерила вещицы, опережающие собственную эпоху. Если б не трагедия с её сестрой, Жевье на десятилетия продвинула бы нынешние технологии, но увы, смерть близняшки ввела её в депрессию, и она заболела. Ткачеватели, как один, сулили великие тропы благодаря её трудам, Скверношопоты пытались вытащить её из меланхолии, чтобы призрачные видения сбылись, но Жевье была безутешна и вскоре умерла. Похоронив память о сестре, о себе и о мечте. Кету, используя один из её чертежей, построил этот склеп. Снаружи ты, наверное, не заметила, но здание имеет колёса, на них отец и прикатил тело своей дочери на кладбище. Впоследствии он завещал позволение хоронить здесь людей, что оставили мечты, хотя имели на них самое большое право. Так и повелось. Дом мёртвых стал обителью надежд для ещё живых желаний. Родственники, что по сей день хоронят здесь близких, напоминают другим, что только смерть точка невозврата, только покинув мир, выбор исправить невозможно. До того всё подвластно изменениям, особенно ради мечты нужно находить спрятанные силы и двигаться дальше. А это...

Кэтэрин повернулась за его жестом, который указал на ещё свободные места в нишах склепа, и по телу пробежала дрожь.

– Я не великий изобретатель, – холодно бросила она ему, – и моя депрессия прошла.

Валет недоверчиво посмотрел в пасмурные глаза.

– Здесь лежат художники, отчаявшиеся увидеть шедевр в собственных работах. Писатели, что разуверились в возможности написать бестселлер. Идеалисты, что сдались в борьбе за правое дело. Крепкие телом спортсмены, что из-за нескольких проигрышей, решили, что не возьмут медаль. Кэтэрин, эти стены – храм боли и неуверенности. Ребята проиграли сами себе, каждого здесь ждало великое будущее, но...

– Но гэры плохо справились со своей работой... – вновь перебила она его. – Зачем ты мне об этом рассказываешь? Чего ты от меня хочешь? – нахмурившись, Кэтэрин медленно двинулась к Вэ. – Решил навеять мне страх перед неминуемой кончиной? Думаешь, я испугаюсь? Затрепещу? Мне. Плевать. Смерть, наверное, единственное, чего я никогда не боялась в этой чёртовой жизни. Единственное, что меня действительно расстраивает — несправедливость этого хренова мира и опасность, что мы, сами же люди, несём друг другу. Всё. Это, сука, всё.

Имея уважение к усопшим Кэтэрин не кричала, но шипела так, что паутина под потолком колыбалась без остановки.

– Мне надоело быть пешкой в чьих-то играх, мне надоело, что обязанные нами потакают, слушай, может, это из-за Вас у нас войны и неразберихи? Может, это вы привели людей к инстинктам самоуничтожаться? Возможно, без вас нам вообще было бы лучше... – теперь она прикрикнула.

Вэ устало опустил голову и засунул руки в карманы брюк. Разорвав зрительный контакт, Кэтэрин словно очнулась. *Покровитель, чего она тут наговорила?* Конечно, обязанные не несут ответственности за злобу людей. Им, напротив, выгодны счастливые человеческие жизни. Поздники сами страдают, закапываясь в работе, чтобы их народ мог просто существовать, а некоторые люди то ли от скуки, то ли от неполноценности творят страшное.

Кэтэрин сжала кулаки, стыд опалил щёки, но она, прикусив язык, запретила себе извиняться. *Расставаться в ненависти будет проще.* Но когда Валет поднял голову, в его взгляде не было ни ненависти, ни презрения, только сожаление.

– Я принёс тебя сюда, чтобы просить не занимать место в этих нишах. Ты ничего не боишься — понял, но я боюсь... — дыхание покинуло лёгкие Кэтэрин, *что он сейчас сказал?* — Боюсь, что ты настырная, самоотверженная, непреклонная, отзывчивая, правосудная сложишь щит и меч, чтобы оставить цель и плыть по неугодному тебе течению. Боюсь, что твои грозные глаза потухнут спустя годы опрометчиво потраченной жизни. Боюсь, что ты разочаруешься в людях только от того, что бросишь менять их мир. Боюсь, что однажды ночью опустошение найдёт тебя и впредь не отпустит, ведь ты смиришься с беспомощностью. Боюсь, что виной разбитому сердцу буду я. Боюсь, что не увижу тебя больше. Боюсь, что не коснусь... — между ними сокращалось расстояние и, пожелай Вэ дотронуться до неё, достаточно было бы протянуть руку. — Я боюсь испортить тебе жизнь, ту, что ты ещё до меня сама себе нарисовала.

Его пальцы вздрогнули, а взгляд потяжелел.

Кэтэрин стояла подобно рассвету, гуляющему меж цветов на поляне. Солнцу, что греет без желания, а с ним, освещает.

По алебастровой щеке потекла слеза, и Валет, не выдержав, притянул Кэтэрин к груди, утирая каплю. Девушка не отстранилась от него, но и на объятия не ответила.

– Это из-за тебя я сбилась с пути... — зашептала она, стремясь сделать ему больно, так же, как было ей, — но всё же я нашла дорогу и не бездействую, я продолжаю помогать людям, как могу.

– Я знаю. — массивная рука скользнула по серебрянным волосам погладить её. — Я вижу. Не прошло и дня, чтобы я к тебе не навещался. — сердце Кэтэрин пропустило гулкий удар. — Тяжело оставаться на расстоянии, зная, что тебе нужна поддержка и помощь. Благо, на леднике есть люди, кому ты тоже дорога, иначе я бы объявился гораздо раньше.

Кэтэрин отстранилась, поднимая голову, ей стало казаться, что она в мрачном сне, и, чтобы проснуться, пора начать сопротивляться.

– Прости меня. — очередной раз произнёс Валет. — Может, если бы за Мафой пришёл не я, — его упоминание о бабушке заставило Кэтэрин вздрогнуть — тебе было бы легче, но я должен был лично сопроводить выдающуюся женщину на покой. Это было честью для меня, даром, а ещё, по всей видимости, и опрометчивым решением. Я взялся думать, что ты бы выбрала отпустить Мафу с тем, кому доверяешь... доверяла. — исправился он. — Прошу прощения за самонадеянность.

Его рука сама потянулась вытереть очередную девичью слезу, но она отвернулась и отступила. Не со зла, а чтобы подумать.

В голове заструились сотни мыслей. То, что сказал Валет, раньше не приходило ей на ум. За Мафой он пришёл лично. Если баба была знакома со Смертью, наверняка сочла его появление добрым жестом, а, может, и привилегией.

“Это его работа.” внезапно зазвучал голос Ортура. *“Как по-твоему он должен был поступить?”*

Сердце билось, грозясь сдвинуть рёбра, накопившуюся обиду вскрыли, как чирей, и он закровоточил гноем, что мешал Кэтэрин понять Вэ.

– Ты прав, мой умный и добрый мальчик, — зашептала она, мысленно разговаривая с Ортуром, — смерть — это естество Вэ, и вешать на него уход людей неправильно. Валет не убивает тело, он сопровождает души.

– Я тебя прощаю. — уверенно произнесла Кэтэрин, смотря на пляшущие на плитах тени. — Но в наших сложившихся отношениях это ничего не меняет.

– О большем я и не смел надеяться. — искренне улыбнулся Валет, заставляя себя оставаться на месте.

– Экскурсия окончена? Вернёшь меня на Вивал?

– До рассвета 4 часа. Уговор...

– Хорошо. — хмыкнула Кэтэрин и двинулась к выходу.

Стены склепа неимоверно давили запертыми под крышку гроба стремлениями, но не успела Кэтэрин ступить на траву, проросшую у мёртвых, её подхватили на руки и взмыли в небо. Этот полёт отличался от прошлого. С уверенностью Кэтэрин могла заявить, что всё же часть неё осталась в том старом склепе. Неприязнь, например, досада, злость и куча прочего дерьма, которое сжирало заживо. Валет ощутил её перемену.

– Благодарю тебя. – серьёзно заговорил он, поймав на себе пасмурный взгляд. – Твоё прощение – латы на душу.

Кэтэрин кивнула и отвела взгляд, отчего-то ей стало больно. Покровитель создал Вэ нести в мир потери, наверняка тяжело оставаться в одиночестве такого бремени. *Что, если он также как она мучается чувством вины?* Велия лучше бы подошла на роль смерти, хотя тогда людей давно бы уже выкосила чума. Украдкой Кэтэрин бросила на Смерть ещё один взгляд. Всё-таки хорошо, что за людьми приходит тот, кто ценит и их, и их жизни.

Полёт от Вересача до Ганая выдался намного короче. На сей раз, размышляя о печальной участи Вэ и ждёт ли её в Ганеа очередное кладбище, Кэтэрин с удовольствием разглядывала звёздное небо и ночные огни мимолётных деревень и городов. Теперь Кэтэрин позволяла ощущению полёта наполнять себя и тихо благодарить Вэ за это.

Примерно минут через 15 Валет приземлился около ничем не примечательного двухэтажного дома. Здание из жёлтого кирпича было одним из многочисленных местных обшарпанных хрущёвок. И, пожалуй, сквер с ухоженными клумбами и свежевыкрашенными лавками были единственными опознавателями, что квартиры в плачевном состоянии, но жилые.

– Присядь, пожалуйста, на скамейку. – вежливо попросил её Вэ и одним взмахом крыльев переместился к окну квартиры на втором этаже. Учитывая хрупкость стекла, он постучал в раму. Свет в квартире не зажёгся, в окно никто не выглянул. *Значит ли это, что здесь их не ждут?* Сохраняя безмятежность, Валет постучал ещё раз, и Кэтэрин со своего ракурса заметила, как штора в комнате, наконец, колыхнулась, но так никто и не появился. Валет спустился на землю и, став на ноги, зашагал к Кэтэрин.

– Не вышло? – спросила она, раздумывая зачем же они здесь.

Тут, словно ей в ответ, в подъезде хлопнула дверь, и послышались грузные шаги.

– Сейчас выйдет. – скромно улыбнулся Валет и отошёл в сторону, чтобы пропустить огромного, темнокожего парня с кучерявыми чёрными волосами и глазами беззвёздного неба, что уже нёсся по дырявому тротуару.

– Дион... – выдохнула Кэтэрин, подсакивая с лавки. Друг пронёсся мимо Вэ и, подхватив подругу на руки, стиснул в крепкие объятия.

– Богини, я так по тебе скучал. – забасил он. – ПисАл на почту, звонил на сотовый, но ты, как сквозь снег провалилась.

Ноги Кэтэрин так и болтались туда сюда в воздухе, в сравнении с Дионом она казалась игрушечной. Валет, не мешая, отошёл к фонарному столбу, облокотился, скрещивая руки на груди, и широко улыбнулся.

– Кэтэрин, Мена мне всё рассказала, – продолжил Дион. – я так соболезную, я должен был приехать, но не смог. Я и пара интернов незаконно по ночам принимаем жителей ледников в подсобных процедурах. Я не мог их бросить, прости.

Как много извинений за одну ночь.

– Меня там тоже не было. – вздохнула Кэтэрин, борясь с желанием разрыдаться на его огромном плече.

Дион наконец отпустил девушку и отступил на шаг поклониться, поприветствовать, так сказать, в собственном репертуаре. После он повернулся к Смерти:

– У Вас тоже прошу прощения, не сдержался, она...я переживал.

– Всё в порядке, силлист Дион Рой. – заверил его директор.

– Благодарю. – Дион поклонился и ему. – Стоп, – до него стал доходить смысл обращения. – вы оговорились или...?

Надежда в тёмных глазах вспыхнула ярче уличного фонаря.

– С условием, что практика второкурсника продолжится здесь, в госпитале Алого Креста, ты же не можешь их бросить?

Кэтэрин переводила взгляд с одного большого парня на другого огромного мужчину и лихорадочно ругала мозг за отказ соображать.

– Что здесь происходит? – вопрос оказался глупым, но ей было плевать.

– Документы Диона Роя переданы в картотеку Стэного, и уже завтра академия ждёт его в свои стены. – Вэ оттолкнулся от столба и подошёл пожать здоровяку руку.

– Не-ет, нельзя. – всполошилась Кэтэрин. – Он же человек, его лёгкие не выдержат, и он погибнет.

Улыбка Диона таяла на глазах, а Валет, сжимая его руку, другой ладонью коснулся широкого плеча. Чёрные крылья затрепыхались, как на ветру, лампочка уличного столба заискрилась. С правого крыла Смерти сорвались несколько перьев и закружили над головой Диона. Белёсые глаза вспыхнули ледяными звездами, поднялся настоящий ветер, шурша листвой и вздымая клубы пыли, а губы шептали указания. Стоило Диону сморщиться, Кэтэрин тут же сорвалась к нему. Буря стихла также быстро, как и разразилась. Перья, искры и яркий свет исчезли. Остался Дион, что, хватаясь за горло и падая на колени, начал задыхаться.

– Что ты наделал? – вскрикнула Кэтэрин, зло косясь на Вэ. – Что с ним? Дион, пожалуйста, дыши, почему ты не двигаешься? Дион?

Парень убрал руку от горла, ноздри расширились, втягивая воздух, на лбу появились бусины пота.

– Не пугайся, ты в порядке. – заговорил Валет, помогая парню встать с колен и переместиться на лавку. – Люди гораздо тяжелее переносят облегчение.

– Что? – не поняла Кэтэрин, пока в памяти не всплыл диалог с Лукой.

“Директор Дэверго одаривает — благоговением, директор Стэного — облегчением.”

– Это...

– Да, я вспомнила. – смущённо буркнула Кэтэрин. – Чем ты его одарил? И разве можно вот так, на улице, и без предупреждения вручать благо...облегчение?

– Надеюсь, вы не сдадите меня сенату Озэма, силист Кэтэрин Вэйс. – ухмыльнулся ей Валет, возвращая внимание к Диону. – Рой, отныне вы приспособлены к любой атмосфере, ваше облегчение – дышать где угодно, даже под водой.

– А глотку мне щекочат...?

– Полагаю жабры. – по-доброму улыбнулся Валет. – А на лёгких появился воздушный мешок для дыхания, коим оснащаются обязанные в Озэме. Отныне вы не ограничены кислородом, тело найдёт способ воспринять даже дым.

– Я вам так благодарен. – прохрипел Дион, свыкаясь с соседством из жабр. – Кэтэрин, спасибо.

– Я не причём. – отмахнулась она.

– Теперь я могу и питомца выбрать? – зрачки Диона расширились, а сам он горел от энтузиазма.

– Конечно, – кивнул Валет. – но лучше это сделать в Озэме. Рискованно брать зверей, привыкших к здешнему воздуху и экспериментировать, выживут ли они у нас.

– Покровитель, вы не представляете, что для меня сделали. – Дион тут же подскочил с лавки и... обнял Смерть.

Белёсые глаза округлились, а тело напряглось. Кэтэрин еле сдерживалась, чтобы не приснуть со смеху от комической картины.

– О, Кэт. – как ни в чём не бывало Дион отступил от директора и прильнул к ней, взяв за руки. – Я не знал, увидимся ль мы вновь, но очень на это надеялся.

– Иначе и быть не могло, Ди. – мило улыбнулась она ему.

Поклонившись на прощание, Дион поспешил к квартире собирать вещи и писать в Алый Крест заявление о переводе на свободные часы работы.

– Спасибо! – произнесла Кэтэрин, поворачиваясь к Вэ.

– Вся моя воля для тебя, маленькая. – серьёзно ответил он.

От его слов Кэтэрин вздрогнула, но тут же нахмурилась, ощутив непрошенную щекотку в животе. Чёртовы бабочки, похоже, ожили и стали вылупляться из окоченевших куколок.

– Прошу прощения. – Валет подумал, что речью пересёк грань дозволенного.

– Если твоя воля для меня, – без упрёка спросила она, – почему не уберёг бабушку?

Кэтэрин понимала, что уже неоднократно выслушивала объяснения его поступка, но всё же не могла смириться с мыслью, что такой могущественный мужчина, как Валет, ничего не мог сделать.

– Воскрешение не в моей власти. – вдумчиво ответил он. – Возврат души в умершее тело – страшный и опасный проступок. За него Покровитель самолично вступает в противоборство. Как я уже говорил ранее, в разлуке с тобой я занялся исследованиями. И в картотеке историй мне удалось отыскать одну единственную запись о шамане, что рискнул вернуть мёртвую возлюбленную к жизни. Его деяние обрекло всё человечество на неминуемое наказание. Страсть мужчины стала причиной переплетения чужих судеб, их дороги спутались, а кармы испачкались неудачами и сомнениями. Я не посмею приговаривать невинных к подобной участи.

– Я не знала... – выдохнула она, прикрывая глаза.

Впервые за эти месяцы Кэтэрин по-настоящему сделалось спокойнее. Может, это и эгоистично, но ей легче от осознания, что Валет никак бы не смог повлиять на исход. Она собиралась сказать, что-то ещё, но дверь подъезда скрипнула прежде, чем распахнулась и с красной вытянутой коробочкой впереди себя к ним возвращался Дион.

– С Днём Рождения, Кэт! – широко улыбнулся он приближаясь. – Теперь и я поучаствую в пополнении твоей коллекции. – здоровяк прямо светился радостью, как ребёнок.

Кэтэрин не ожидала ещё подарков, тем более от Ди. Не скрывая приятного удивления, она приняла и открыла футляр. Повторяя свет луны, звёзд и фонаря на бархатной подушечке блеснула золотая игла. Её вид был подобен швейной, единственное, длинную игла была с ладонь, а шириной с зубочистку. Ушко её обрамляли серебряные фианиты, а короткий кусочек нити обвивал подарок бантом.

– Пусть твоя судьба принадлежит только тебе, Кэтэрин Вэйс. – театрально и явно отрепетированно произнёс Дион.

Измученная девушка, не задумываясь, прыгнула другу на шею и, яро поцеловав в щёку, хихикнула. Дион в курсе о нелюбви подруги к Велии, но пока не знает, что именно Судьба приложила руку к смерти Мафы и не знает, что Кэтэрин отныне не носит игл. *Но она ему и не скажет, он старался.* Да Покровитель, это невероятно дорого в обоих мирах.

– Не знала, что врачи зарабатывают приличные щиты. – подтрунила она.

– Не зарабатывают. – подтвердил Дион склоняя голову. – Кусочек золота, прежде похожий на отбитый осколок камня, мне в дар принёс человек с ледников за то, что я спас руку его дочери от ампутации. И как по мне, я нашёл ему наидостойнейшее применение.

– Ты ахринительный! – подруга крепче стиснула Диона в объятиях, прижимаясь к его широкой груди.

– И они тоже. – почти шёпотом произнёс здоровяк. – Люди на ледниках не варвары, Кэт, поверь, они добрые, отзывчивые, очень трудолюбивые. Катон, это отец Огри, сам добыл этот благородный металл в промерзях пещер. Будь у него снаряжение лучше сапёрной лопаты, он сам бы себя обеспечивал. Кэтэрин, у них...

– Я знаю. – дотянулась девушка погладить тёмную щёку. – Я живу на Вивале у старого ледника Гуолиса.

Дион замер с приоткрытым ртом.

– И кстати, мне к ним пора возвращаться. – взглянула Кэтэрин на горизонт, синеву востока уже разбавляли розово-пурпурные оттенки.

– Тогда увидимся в Стэного. – Дион погладил серебряную косу. – И обо всём друг другу расскажем.

– Спасибо за подарок, Ди! – кивнула ему Кэтэрин.

Рой улыбнулся, примеряя прозвище, которым подруга сегодня его неоднократно назвала, и ему понравилось. Повернувшись теперь к Смерти, здоровяк крепко прижал кулак к сердцу:

– Спасибо вам, директор, за возможность вернуться в академию и в большей степени помогать людям.

Валет кивнул в ответном жесте:

– До встречи, силист.

Дион понял намёк и стал отступать к подъезду, махая обеими руками, после он поднялся в квартиру, открыл окно и махнул оттуда.

Кэтэрин, умиляясь другу, улыбнулась, а Валет, торопясь успеть в ещё одно место, спешно подхватил девушку и взмыл в небо. На удачу, Девемиров возвели по соседству с Ганаем, потому, добравшись до города, они приземлялись под ещё предрассветную мглу.

– Остались считанные минуты до первых лучей, – озвучил Валет, спуская Кэтэрин на землю. – потому не буду тянуть, обернись, пожалуйста.

– Что это? – ахнула она, повернувшись.

На пустынной обочине стоял высоченный стеклянный флорариум, заполненный до краёв зеленью. Отполированный, с металлическими углами куб, смотрелся чужеродно среди обветшалых хибар, что располагались вдоль местной дороги.

– Твой подарок на день рождения, – выдохнул Валет, доставая ключ от двери. – вернее, один из.

Кэтэрин оторопела, широко распахнув глаза.

Внутри флорариума стояла прохладная температура, однако на ступенчатых грядках, расположенных на стенах от потолка до пола, росли овощи. В центре куба располагался островок земли с фруктовыми деревьями, ему оградой от овощей послужил пока ещё пустующий палисадник.

– Домасты, что я собрал для тебя, готовились осыпаться семенами, – заговорил Валет, присаживаясь к плодородной земле. – если пожелаешь, можешь высадить их здесь, вдруг примутся.

– Это безумно ошеломляюще. – выдавила она, не зная на чём конкретно сфокусировать взгляд.

Валет поднялся с корточек, подошёл к Кэтэрин и, взяв за руку, наконец, перевёл её через порог.

– Стекло прочное, – серьёзно и быстро стал рассказывать Вэ. *Время тикало не в его пользу.* – выдержит любой скачёр температур, – он постучал по стене, – также не позволит изменить собственную. Я настроил датчик на +7°, чтобы растения немного адаптировались к холоду, а там на месте пристроим коридор, дабы сквозняк не просачивался в открытые двери и не губил плоды. В потолке установлены солнечные панели так, что фотосинтеза листьям будет предостаточно. Ты и Карсонцы можете выращивать в флорариуме практически всё, что угодно.

Кэтэрин заворожённо следила за тем, как Валет ходит по кубу и рассказывает инструкции по использованию магнитных датчиков. Он предусмотрел даже функцию таятельного полива. Засыпаешь снег, батареи накаливания, установленные под напольными плитами, плавят его, и по грядкам течёт обычная вода.

Покровитель, Валет изрядно постарался для неё, даже не ожидая взаимности. Неважно, решит она с ним продолжать общение или прогонит, он хочет облегчить ей жизнь и наполнить капелькой растущего смысла.

– А если бы мы сюда не успели? – зачем-то спросила она.

– Тогда увидела бы подарок уже на Вивале. – честно ответил Вэ, срывая клементину. Ловким движением он очистил фрукт и, отделив дольку, неспешно двинулся к Кэтэрин. Флорариум тут же наполнился нотами цитруса, однако ярко ощущался именно карамельный аромат. *Может от того, что Вэ остановился в паре сантиметров от неё?* Долька клементины по-прежнему оставалась сжатой в его пальцах.

– Попробуешь? – стихший голос и томный взгляд пробудил мурашки на её коже, а соски, затвердев, оттопырили ткань рубашки.

На сей раз Валет не отводил взгляд, дыхание отяжелело, мышцы напряглись. Он вспомнил, как ласкал эту грудь, обводя языком ореолы сквозь собственную футболку.

Девушка кивнула, говорить пересохшим ртом сложно.

Его пальцы замерли у пухлых губ, жадно запечатлевая, как кусочек фрукта захватывает зимняя малина. Как бы он хотел оказаться на его месте. Кэтэрин, поправляя дольку, чтобы скорее съесть, случайно задела массивный палец языком. Вэ вздрогнул, глаза из светлых стали тёмными, а рот приоткрылся, выдыхая жар. Поцелуй, требовало всё его естество, *поцелуй. Но разве мог он так бесстыдно пренебречь её угасшим к нему отношением?* Нет. Валет отломил очередную дольку и съел сам, коснувшись губами пальца, где остался влажный след Кэтэрин.

– Сегодня же я доставлю флорариум на Вивал, если ты не против. – силой воли он заставил себя отойти от Кэтэрин на несколько шагов. – Я помню уговор и держу обещанное, с рассветом исчезну из твоей жизни, а также даю слово, что моего появления на ледниках ты не заметишь.

Валет сунул руку в карман, чтобы отдать ей ключ от куба, но она не спешила его забирать. В груди уже болело, под волосами пекло, а от рук отлила кровь, заставляя конечности холодеть. *“Вот и всё.”* — лихорадочно гудело в мыслях. Как она и предполагала, остатки сердца заныли, обливаясь невыплаканными слезами.

– Я не против. – шепнула она, поднимая голову. – Более того...

Вэ замер в ожидании вердикта. Он видел, что она в растерянности, заметил, как розовеют её нежные щёки, не упустил из виду, как пальчики, что он готов целовать без усталости, нервно теребят край рубашки.

– ... я готова приступить к обучению в Стэного.

Восьмая глава

Когда всё, что Вас касается,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.